

Ли 100К!

Периодическое издание союза "Ассоциация литераторов - АБГ" и лито "Молот О.К." (Тбилиси, Грузия)

Специальный выпуск — приложение к журналу "Русский клуб", — приуроченный к выходу в свет сойого номера журнала.

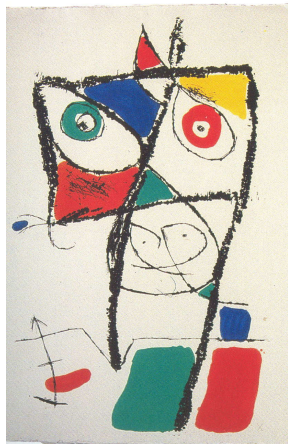
В специальный выпуск Листка АБГ включены избранные публикации 2009 - 2013 гг., а также новые стихи и проза авторов из Азербайджана, Армении и Грузии.

Илья Зданевич - 120 лет со дня рождения ILIAZD 1894-1975

Кануть в забвение - лучшая участь поэта.

Адриан де МОНЛЮК

Такой девиз, используя афоризм французского поэта 17-го века, возвращенного им из забвения, начертал у себя на щите Илья Зданевич, правда, уже в поздней фазе своей творческой поры, известный в то время узкому, но избранному кругу европейских художников и интеллектуалов под псевдонимом ILIAZD.

Хуан МИРО.
Иллюстрация к книге Адриана де Монлюка, изданной Ильяздом. 1974.

Реализовался девиз, к счастью, только отчасти. И, все же, этот тбилисец, один из ключевых персонажей мирового авангарда, остается до сей поры не оцененным и, прежде всего, на горячо любимой им родине, от которой он был пожизненно отлучен по известным историческим обстоятельствам.

Однако, амбициозный юноша - поляк по отцу и грузин по матери, - не всегда гнушался собственной известностью, граничащей с сомнительной славой - одним весенним утром 1913 года он проснулся знаменитым после громкого скандала, вызванного его докладом, посвященным этапной выставке авангарда "Мишень", куда Илья, кстати, привез несколько работ Нико Пиромани, незадолго до того им лично разысканного. "Футуристы разбили несколько графинов о головы публики первого ряда, особенно желающей быть эпатированной", - напишет Александр Блок. Это, как раз, об этом.

Публичное фигурирование и эпатажное поведение, что было намеренной тактикой авангарда, к самому левому крылу которого Илья примыкал, сопровождают его и в дальнейшем. Параллельно следует и калейдоскопичность его деятельности: юрист по образованию, ненавидящий, по собственному признанию, юридические науки, путешественник-первооткрыватель, альпинист, археолог, этнограф, искусствовед, теоретик авангарда, но и исследователь, и знаток древнехристианской архитектуры, историк, художник, дизайнер, издатель, журналист, прозаик и,

Михаил ЛЕ ДАНТИО.
Футурист Зданевич.

наконец, поэт. И да - именно с титула "поэт" начинаются обычно длинные перечни его профессий. Ранние стихотворные опыты поэта относятся к периоду учебы в Первой тифлисской гимназии и носят очевидно подражательный характер, с оглядкой на ранний символизм. Однако его голос заметно мутирует, обретая выраженные черты самодостаточ-

Кирилл ЗДАНЕВИЧ.
Иллюстрация к книге И. Терентьева "Рекорд нежности", посвященной Илье Зданевичу.

ности. Но с началом студенческой поры поэт делает резкий разворот влево, примкнув к группе Ларионова - Гончаровой, быстро утверждаясь в статусе теоретика и рупора это сообщества. С этой поры Илья Зданевич, исповедуя поэтическую заумь, становится самым последовательным ее адептом и признанным крайним радикалом от литературы в русском, да, пожалуй, и в мировом авангарде.

Титульный лист дра И. Зданевича в сборнике "С.Г.МЕЛЬНИКОВОЙ фантастический кабачок". Тб. 1919.

Вернувшись в 1917 году в родной Тифлис после окончания Питерского университета и российских литературных и социальных ристалищ, он организует футуристическую "Компанию 41°", куда входят, кроме него, сам изобретатель зауми Алексей Крученых, Игорь Терентьев и несколько местных авторов, склонных к левизне. К группе примыкают художники Кирилл Зданевич, Сигизмунд Валишевский, Ладо Гудиашвили и Александр Бажбеук-Меликов. В Тифлисе он издает четыре из своих пяти заумных "дра" - псевдопьес, написанных на заумном языке. Последняя "дра" этой пенталогии выйдет в 1922 году уже в Париже, куда И. Зданевич эмигрирует. В Париже Илья Зданевич активно включается в художественную жизнь, как в ее эмигрантской ипостаси, так и в самое актуальное на тот срок явление - дадаизм. Он продолжит сложившиеся тогда отношения с дадаистами (Полем Элюаром, Луи Арагоном, Жоржем Рибемон-Дессенем, Джорджо де Кирико, Тристаном Тцара, Максом Эрнстом и другими) и после их перехода в ипостась сюрреализма. Завязавшаяся тогда тесная дружба с Пабло Пикассо продлится до конца его жизни.

Он пытается и здесь учредить "41°", читает ряд лекций, занимается с русской поэтической молодежью. Несомненной его заслугой является дружеская опека Бориса Поплавского, творчество которого выливается в одно из знаменательных явлений XX века. Илья Зданевич становится председателем Союза Русских Художников в Париже, учреждает совместно с Сергеем Ромовым объединение "Через", организует серию успешных акций, как ежегодные балы, собиравшие всю художественную элиту Парижа, или Неделю камерного театра. Успевая, при этом, служить переводчиком в советском полпредстве.

Эта феерическая деятельность Ильи Зданевича, теперь уже навсегда - Ильязда - внезапно обрывается во второй половине 20-х. Он неожиданно исчезает с парижской сцены, а также со страниц французской и эмигрантской печати и полностью уходит в семейные и собственные творческие заботы, в том числе, и литературные. Его прозаические вещи 20-х, хотя и далеки от норм уставного реализма, все же написаны нормативным русским языком. А в 30-х он делает еще один резкий вираж в своем стихотворном творчестве в сторону неоклассицизма, правда, с признаками полистилистики и с сюрреалистическим налетом, упорно эксплуатируя сонетную форму.

После войны Ильязд активизирует свою издательскую деятельность под маркой "41°". Все изданное им признано шедеврами и раритетами книжного искусства, а практика печатного дизайна XX века очевидно разделяется на две: Ильязд и все остальное. Его издания оформляли Марк Шагал, Хуан Миро, Фернан Леже, Анри Матисс, Жорж Брак, Макс Эрнст, Альберто Джакометти, другие художники. И, конечно, в первую очередь, Пабло Пикассо.

chez HUBERT 23 rue de l'Écluse
UNIVERSITÉ
le 12 mai 1922 à 21.00 heures

41°

ИЛАЗДА ИЛАЗДА
Télogé de ИЛАЗДА ИЛЫИ
ZDANEVITCH ЗДАНЕВИЧА
nommé l'ANCE прозванцаго АНГЕЮК
sur lui même о самом себе

бездарном хаме трусе предателе-
ИПЮТЬ ПОДЦЕ и чарьгазной БЛЯХЕ
сутьна две рога...
доброе утро...
старше...
е в алабаню...
осел за чашею...
подолинка...
у труперо...
небощ...
СОНЕСТВЕНЕ СВЯТАГО ЗАПРЕДУХИЯ

ИЛЬЯЗД. Афиша к собственному докладу. 1922.

TH^{âtre} MICHEL 40 rue des Mathurins

Soirée

DU CŒUR

la grande semaine a été prolongée jusqu'au 7 juillet

ORGANISÉE PAR

Une place de loge... 30 fr.
Fautouil d'orchestre... 25 fr.
Fautouil de balcon... 15 fr.
Fautouil de balcon... 12 fr.

Arabe

Arabe

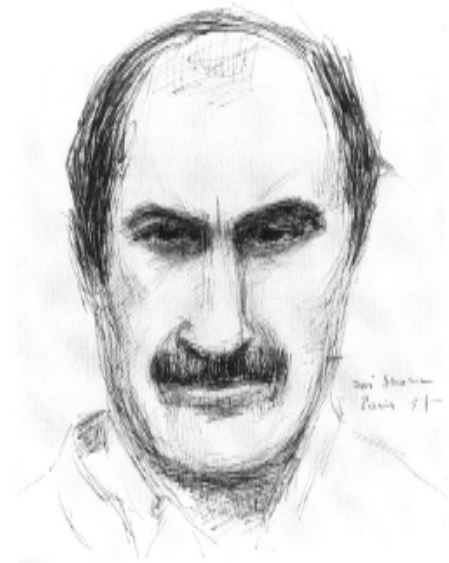
Arabe

ИЛЬЯЗД. Афиша. 1923.

"Мы грозились перевернуть мир, перестроить землю и прославляли новый дух. Росчерками пера создавали шедевры, писали поэмы в три слова и выпускали книги из белых страниц. В случайностях, в кляксах и разбитых стеклах мы нашли законы и стали строить. Мы ушли из мира звукоподражаний в мир зауми, в мир абстракции, игры ума, холодных и величественных прозрений. Мы проводили дни над словами, плели из них кружева и в прошлом, которое раньше игнорировали вовсе, отыскивали то, что нам было надо, перестраивали все на наш лад и во всем видели наши системы, наши вымыслы, наши чудачества", - напишет Ильязд уже в эмиграции. А накануне Первой мировой войны, совместно с художником Михаилом Ле Дантю, тем самым, который, оказавшись в Тифлисе, первым, в процессе "усердного, - по словам Ильи, - знакомства с духанами", обратил внимание на живопись Пиросмани, пытаются обосновать актуальную на тот период и уходящую в будущее теорию искусства, опираясь на его вневременные ценности, в ответ на разную предложенных множества авангардных группировок и направлений. Илья Михайлович обозначит наметки этой теории несколько легковесным, на наш взгляд, хотя и отражающим существо дела словом, - всёчество, а приверженцев идеи еще более простоватым, производным от него, - всёками. Однако, в этих исканиях молодых новаторов легко заметить те признаки мышления, которые вскорости будут проинтуированы дадаистами и, пройдя через испытания историей XX века, станут актуальным транснациональным языком искусства. "Понятия совсем другого порядка, чем

искусство, - переход к высшим формам существования, попытки осязать подлинный, скрытый мир - руководят нашими мнениями и поисками", - резюмирует Ильязд.

Не менее содержательной была и личная жизнь Ильязда. Он был трижды женат. От известной модели Аксель Брокар он имел двух детей, от нигерийской принцессы Ибиронке Акинсеоин - сына Шалву. Его последней музой и супругой стала художница Элен Дуар.

Неизвестный художник. Портрет Ильязда. 1937.

Говорить о полном объеме литературного наследия Ильязда весьма проблематично. Перечислим определенно известное. Это пять заумных пьес (1917 - 1922); сборники стихов: "Афет" (1940), "Рээль" (1941), "Письмо" (1948), "Приговор безмолвный" (1962), "Бустрофедон в зеркале" (1971) и посмертно изданная поэма "Бригадный" (1983). В 1930 г. в Париже вышел роман "Восхищение", и уже в наши дни публикуются другие прозаические вещи: "Парижачьи" (1994), "Письма Филиппу Моргану Прайсу" (2005), и, наконец, роман "Философия" (2008). В феврале 2014 г. московское издательство "Гилея" выпустило в свет двухтомник теоретических работ Ильязда "От футуризма к всёчеству". И, тем не менее, часть наследия Зданевича-Ильязда, и литературного, и теоретического, все еще остается не опубликованной.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1908 - 1912 ЗОЛОТО-СОЛНЦЕ

Веронике Берхман

ВОДОПАД

Разбросав одинокие мысли,
Закружив серебристый туман,
Над ущельем где горы нависли
Охватил целомудренный стан.
Увлекая понесся к обрыву,
Опьяненный низринул с высот,
Разметав белоснежную гриву
Убаюкал рыданиями вод.
Одевая клокочущей пеной,
Прошептал: "Посмотри на звезду, -
Отпущу из томящего плена
И навеки к морям уведу."
Потемнели далекие своды
И огнями желаний горя
Низвергавшийся долгие годы
Наклонился опять, говоря:
"Оглянись... Я взлелеял во мраке
из крови ядовитой твоей
сладострастные алые маки
опустевших, сожженных полей.
Извиваясь, жестокие руки,
Обольщая цветы, протяжи -
Воскресит долговечная лира,
Ворожа онемеют они.
Протомившись проплачешь о горе
Соблазнитель, холодный кинжал...
Загорись на синем просторе
И застынешь вершинами скал."

ПАВЛИН

Раскинь вокруг мерцанье перьев -
Простор расцвел горя огнем -
Твои цветы родят поверья,
Наполнят поле в полночь сном.
Волна Луны в кругу пятнистом
Сребровисонный перелив
Затеplit золотом лучистым.
И ты велик. И ты красив.
Непостижимой тайны Мира
Несешь незнаемый топаз;
Звезда горит в огнях сапфира,
В глуби несчетно-ярких глаз.
И крыльев тон звучаще грозный,
Надменный вид, кичливый взор,
Как ширь пустынности надзвездной,
Гляденье непонятных гор
Твой крик создал высот гордыню,
Твой хвост давно зажгла луна,
А в хохолке - короне синей -
Вся бесконечность сведена.

Золото-солнце волос Вероники,
Золото ризниц христианского Рима.
В ширь кругозора уходит Великий
Пламенем ржи яровой и озимой.
Желтое око свершает победы,
Черная ночь обессилела пала.
Слышится топот коней Диомеда
Смелых воителей жаждут кинжалы,
Красные листья слетают к колоннам,
Старая роща ликует в шафране;
Пеной рожденная в море зеленом
Будешь заступницей наших желаний.
Запад вино разольет на ступенях,
Чудится бились за землю владыки.

* * *

М. Г. Аргутинской-Долгоруковой

У шумной набережной вспугнутой реки
Четвертый день со смехом чинят лодки,
Болтают топоры. Горят бутылки водки.
На поживших бортах танцуют молотки.
Вспененная вода расплавилась тюрьму.
Зашейте паруса. Пора визжать рубанку.
Облезлый нос покроет ярь-медянкой,
белилам отдадим высокую корму.
Но едкой копотью закрылись берега,
короткая пила рыдает слишком резко,
из рук выскальзывает мокрая стамеска,
дрожат обтертые немые обшлаги.
Над головой черно нормандское окно,
Поодаль празднество большого ледохода.
Но вижу в празднестве плакучие невзгоды,
тропу на затхлое бессолнечное дно.

ЛАМПОЧКЕ МОЕГО СТОЛА

Тревожного благослови
Священнодейно лицедея,
Что много вековых радея
Хотений точат булавы.
Возвеличается твержей
Противоборницы вселенной
Освобождающий из плена
Восторг последних этажей.

Но надокучив альбатрос
Кружит над прибрежным мылом,
Но дом к медведицам немилым
Многооконный не возрос.
Надеются по мостовой
Мимоирующие береты
Нетерпеливостью согреты
В эпитрахили снеговой
Земля могилами пестра -
Путеводительствуй в иное
От листопадов, перегноя
Ненапоенная сестра.

1914 - 1922

гаРОланд

1888 индо-Китай отец адвокат джунгли
 джунгли охота на тигров коб-рррры
 жалят павлины сидя на деревьях хвост в
 ветр какао аааао ррррах перелетают
 слоны топчат посеы парохооооды при
 иистани китайцы негры англичане bon-
 jour comment allez vous в европу ууу-
 уууУУУУУУ 1910 паррррииииж крыы-
 ылья пускают пропеллер я тоже. Сантос
 Дюмон¹ в Америку Одемар Одемаааа-
 аар Барьее-ес² назад Парррриииииз
 мадрит ууууулепетывай Ведрин³ Пириней
 бородастый ягнятник крыыылья по-
 гоня выше паррррииииз рйм 4 сентября
 1911 высота 3950 метров хоооооооо-
 лодно браво Гарро выыыше 6 сентября
 1912 4960 метров браво Гарро 11 декабря
 поля стелятся фабрики кадят уууу ветр
 стая облаков ещооооооо солнце слепит океан
 слюююююни высота 5600 метров
 браво Гарро браво Гарррррро РО-РО-
 РО РО-РО ррррум война ро-роро
 monsieur le ministre Гарро Одемар
 Жильберррр Маррк Пур-пр пур-пр
 Биль^Мота аэррррропланы на подвиги
 бууууууууу геррррой ГАРО цеп'лин
 цеп'лин цеп'лин цеп'лин поднялся уу-
 уууулепетывай цеп'лин цеп'лин кррррах
 бооооооомба миииимо уууулепетывай
 сей чачачачачас цеп'лин цеп'лин смёрт'
 смёрт' к дирижаблю кррррах крррррррррррах
 ууутррррр рррррррррррррррррррррррррррр
 вниз ссссссмерть браво Гаро браворо-ро-ро

Илья Зданевич

дорогому другу Александру Ивановичу Канчели

1. Альберто Сантос Дюмон (1873-1932) - бразильский инженер и летчик, пионер авиации.
2. Личность не установлена.
3. Жюль Ведрин (1881-1919) - французский летчик, во время войны был специалистом по забрасыванию шпионов во вражеские тылы. Слова о его расстреле не ясны, поскольку он выжил в войну и погиб через год после ее окончания во время авиагонки.

ОСЛИНЫЙ БОХ.

свачай жмец сус свячи
 шлячай блец ннос нюхчи
 псачай
 заличи.
 фарь ксам
 цукарь лусам
 шакадам
 схуда

ИЛЬЯЗД. Дра "лидантЮ фАрам"
Страница.

дьячи
 дам
 дада.
 смох шыц пупой здюс
 жрюс кой кыц бабох
 цыц
 ей
 юс
 ех
 какарус
 аслинай бох.

* * *

Якая вика на выку
 Бела маша на маню
 Машет глазами на Нику
 перестанет
 Явиле листься с уклоном
 Язвами землю не пели
 Темный почемный зеленым
 Кавалерьям.
 Странные перья деревья
 Мачему мику на кульи

ИЛЬЯЗД. Дра "лидантЮ фАрам"
Страница.

Яки выка пашут
перетянули.

ОСЛУ.

чизалом карыньку арык уряк
 лапушом карывьку арык уряк
 ашри кийчи
 гадавирь кисайчи
 ой балавачь
 ой скакунога канюшачь

БОЛТОВНЯ.

чакача рукача
 яхари качики срахари
 теоти нести вести бирести
 паганячики вмести
 ехчака чока
 чока сучока
 рачики жачики бачики кока

1938 - 1965

Из сборника "АФЕТ" 1940

Пабло ПИКАССО. Логотип сборника
"Афет".

30 марта

Предутренняя лезет тринтрава
 стенных часов остановились гире
 повествования о дезертире
 доведена последняя глава
 В бегах что ни дорога то крива
 тайга предполагаемого шире
 не перешел безрадостной сибире
 не перешел седьмые рукава
 Рассчитывал наткнуться на свободу
 уй ти туда где мыслимо добро
 в края без государства и порядка
 Слышна команда солнечному взводу
 и угодит под левое ребро

24 мая

Беги перо куда глаза глядят
 хозяйств подальше на дворе светает
 спасайся быстрое рассудок лае
 проснемся мы не приходи назад
 Писатель твой мудрен и бородаг

зажег в работной и стопы считает
по переходам память ковыляет
привычки крепостничеством грозят
В горах живи не требуя приюта
туда влюбленные восходят круто
там низвергаясь обмер ледопад
Воротишься тебя заставят сдуру
скоблить пергамент
соблюдать цезуру
для вящего удобства оскопят

31 мая

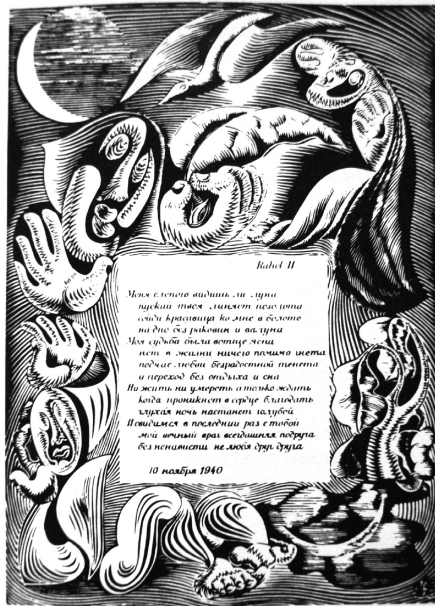
В прозрачной растворяемся неделе
не выключаем поутру огни
отхлынуло от городской возни
не ходит время разве еле еле
Непомнящий покой в плавучем теле
бывает ночь не разделяя дни
протяжную ману июль ожни
все в жизни будто бы и в самом деле
Взогретый воздух потечет с низов
на розыски луны по млечной мгле
доносит чей то бесполезный зов
Сонетная постелена солома
мы издавна блуждаем по земле
себя самих впервые видим дома

4 июня

Ненастоящий город крепко спит
стрекочут понапрасну самолеты
и над уроками любовь корпит
ни первый не усвоила ни сотый
Вдоль половодья серебро улит
стены и раковины завороты
не образумилась любовь продлит
досказ прямой и рядом криворотый
Не двигается вылет голубей
простерты оживлены вельможи
запретной силы время не отбей
от башни для живущих непригожей
Граница защищается слабей
бессмертие и мы одно и то же

30 июня

На площади пестрея кавалькада
верзила занятые перепалкой
и небосвод где надо и не надо
покрылся фейерверочной фиалкой
Но Вашего не нахожу наряда
ни красоты божественной и жалкой
в пустых потоках ряженого стада
любовь моя одетая русалкой
И об руку разгуливая с Пабло
художником на высоту влеком
над временем иду ступаю дрябло
по недовольным звездам босиком
Пиши портрет покуда не ослабла
любви одетой пьяным стариком

ИЛЬЯЗД. Страница из книги "Разъль".
Художник Леопольд Сюрваж. 1941.

* * *

Греми ветров закрученная медь,
сопровождай снега и льды с верховий,
Предзимняя пора крепчает внове,
мы заново обречены гореть.
Достаточно клубку вотще ржаветь,
томиться дням в квадратах изголовий
упорствовать несчастьем без любви,
не предадим и не покинем впредь.
Ильязд, люби, не утоляя голод,
был молодым и оставайся молод,
пригубленный навеки будь влюблен.
От холода мерцанье звезд окрепло.
Не отцветет в глазах любовный лен.
Любовники рождаются из пепла

* * *

Все тянутся пустей пустого встречи
то за столом, то в креслах мы сидим
и ни о чем часами говорим
и светские пустей пустого речи.
И рифмы прежние одна далече
витают над столбом табачный дым
и в сумерках растает голубым
оберегая Ваши злые плечи
Ни воли, ни надежды, ни желанья

25-238

Пабло ПИКАССО. Иллюстрация к книге
"Афет".

решимости последней тоже нет
искать былого здесь не стоит след
ушла в леса навек походка ланья
Докончен вечер; снова без желанья
Мы назначаем новое свиданье

* * *

Последний тщетный вечер ожиданий
меняю диски румбу и фокстрот
свеча неумолимая плывет
Диск останов стучит часов качанье
Прощай моя любовь, опять скитаний
и мне и Вам иной идет черед
мы прожили неизмеримый год
мы исчерпав все пережили грани
от нас осталось несколько стихов
уложенных в докучливую книгу,
что было явью, что уделом снов
я не скажу за правду и облыгу.
Довольно, поднимаю якоря,
несите в новое осенние моря

* * *

Пабло Пикассо

Напрасно трепетный схватив перо
пытается поэт листы марая
вернуть века потерянного рая
навеки запрещенное добро
пиши по поводу и об и про
попытка одинаково пустая
в края другие отлетает стая
и редкий лес покрыло серебро
И книга эта над которой Пабло
склонялись мы три года сообща
ушедшей жизни тщетный отпечаток
ее постель помятая иззябла
не дозовешься никого крича
подняв чету уроненных перчаток

ШАГАЛУ

Скажи когда строитель мой Шагал
придет пора распоряжений скорых
нанести последний капители ворох
на кружевной колонны астрагал

Ты знаешь сам что никогда не глал
древесный шум и тростниковый шорох
волна и берег в постоянных спорах
тому кто звук на стих перелагал

О живописном подвиге болея
твоя рука подымет карандаш
и подписав созвездье водолея
путь завершит литературный наш

Не забывай далекий и угрюмый
о дружбе полувековой подумай

Non fiction

Александр ХАКИМОВ
(Баку)

ОДА СКОРПИОНУ

*Танюше Иванавой,
истинному Скорпиону*

Собирая камни для самодельного очага на "диком" Шиховском пляже, я повстречал скорпиона. Вернее, обнаружил его под одним из камней. Потревоженный ярким солнечным светом, скорпион принял боевую стойку - раскрыл клешни и согнул крючком хвост. Я замер, глядя на него.

Этот скорпион был, несомненно, самкой, ибо на спине его сидели два крошечных, белёсых, неокрепших ещё детёныша, которых каждая мать-скорпиониха до поры до времени таскает с собой.

Спустя некоторое время скорпиониха поползла прочь, ища новое убежище. Она резво шагала по песку, выставив клешни перед собой и выпрямив длинный хвост с ядовитым шипом на конце. Детёныши крепко держались за мамин панцирь.

Я проводил их взглядом.

Это была далеко не первая моя встреча со скорпионами. В своё время я вдоволь на них насмотрелся в казахстанских степях, где проходила часть моей армейской службы. Каждое утро тогда начиналось с непременно вытряхивания скорпионов из ботинок, куда эти твари так любили залезать. А стоя в карауле по ночам, я видел множество скорпионов, бегающих по песку и ползающих по стенам строений. Я даже приноровился ловить их голыми руками, хватая двумя пальцами за ядовитый кончик хвоста и поднимая вверх. Разозлённые скорпионы плясали в воздухе, но поделаться ничего не могли. Позднее, уже в Баку, я поражал этим своим умением однокурсниц по биофаку университета, во время полевой практики. Сейчас, правда, я не рискнул бы повторить сей трюк - потерял, потерял былую сноровку... И, каюсь, я загубил немало количество безвинных скорпионов, заливая их эпоксидной смолой. После должной обработки получались такие полупрозрачные "камушки" со скорпионом внутри. Я приделывал к ним цепочки и дарил как сувениры знакомым девушкам.

Встреченная скорпиониха пробудила в памяти давний спор с моим другом, молодым поэтом. Мы сидели у него дома и отмечали выход очередного его

сборника стихов. После "полубанки", как принято говорить в таких случаях, моего друга потянуло на философию. Мир устроен на удивление просто, объявил друг. Всё живое, от амёбы до слона, от мотылька до человека, живёт по принципу "рыба ищет, где глубже". Любая тварь Божья, включая Человека Разумного, стремится уйти от неблагоприятных и опасных условий существования и тянется к благоприятным и безопасным. Растения тянутся к свету, животные тянутся к теплу. Всё живое, говорил мой друг, упорно ищет небольшую, удобную, тёплую, сытую нишу, в которой и намерено утвердиться на долгое время, желательно - навсегда, и разорвать в клочья всякого чужака, который осмелится к этой нише приблизиться. Поиск лёгкой жизни - таков главный закон Природы, заключил поэт, глядя на меня поверх рюмки. И тогда я разозлился. Я сказал ему, что он ни черта не смыслит в биологии. Есть бактерии, сказал я, которые неплохо себя чувствуют в кипящей воде термальных источников. Есть живущие в ледяной воде антарктические рыбы, у которых вместо крови - жидкость, похожая на антифриз. Ящерицы из пустынь Средней Азии постоянно приплясывают, чтобы не обжечь лапки о раскалённый солнцем песок. Лишайники были обнаружены альпинистами чуть ли не на вершинах гор-семи тысячников. А в глубочайших впадинах Мирового океана ракообразные и моллюски обитают в условиях колоссального давления, которое безжалостно сплющит любое устройство из самой крепкой стали, созданной человеком. Это что - бегство от трудностей? Поиск лёгкой жизни? От животных я перешёл, что вполне естественно, к людям и стал орать, что в пределах одного лишь вида Homo sapiens мы видим столь непохожих друг на друга гренландских эскимосов и гималайских шерпов, бедуинов Сахары и папуасов Новой Гвинеи... Кажется, я сильно напугал поэта своим ором. Я горячился, приводя аргумент за аргументом...но как мне тогда не пришло в голову сказать о скорпионе? Это был бы, несомненно, наиболее сильный аргумент. Ибо скорпион - самое первое животное, которое давным-давно, в незапамятные времена, покинуло море и устроилось жить на суше. Дело в том, что вначале вся жизнь была сосредоточена в воде. Суша была голой и, в общем-то, безжизненной - если не считать каких-то простеньких растений, робко укоренившихся на берегу у самой воды; впрочем, сейчас мы говорим не о растениях. В морях и океанах среди водорослевых джунглей резвилось множество

существ одно другого причудливее, разных размеров, форм и цветов. Но первобытный скорпион (практически ничем не отличающийся от скорпиона современного) вдруг почему-то решил покинуть родную и удобную водную стихию и двинулся разведывать голую и крайне неприветливую сушу. Сказать, что ему при этом было очень трудно - это не сказать вообще ничего.

В воде скорпиону было легко - благодаря выталкивающей архимедовой силе. В воде, насыщенной, словно бульон, всякой мелкой живностью, скорпиону было нетрудно добыть себе пропитание. В море он, скорпион, дышал растворённым в воде кислородом. Наконец, вода защищала его от губительной солнечной радиации. И что же получил скорпион в результате своей авантюры? На суше ему стало намного тяжелее двигаться - заметно возрос вес. При этом за добычей (то есть за другими столь же "продвинутыми" скорпионами) теперь надо было активно бегать на подгибающихся от тяжести ног. Скорпиону пришлось "срочно" переходить на новый тип дыхания, усваивая кислород уже из воздуха. Под жгучим, беспощадным, иссушающим солнцем... И это называется "поиском лёгкой жизни"?! Первобытный скорпион был упрям до невозможности. Он не сдался. Он, хоть и с огромным трудом, но прижился на суше. А потом сушу освоила и прочая членистоногая братия - пауки, сороконожки, некоторые рачки... И пошло-поехало... Тут ещё и растения принялись методично штурмовать сушу, и вскоре планета наша зазеленела, и среди зелени зашмыгали гигантские насекомые... Сотни миллионов лет спустя сушу принялись осваивать и позвоночные твари. Началось всё, как считают, с кистепёрых рыб, которые научились ползать по земле. Рыбы эти оказывались в пересыхающих водоёмах и, чтобы не погибнуть, переползали из лужи в лужу. Но если рыбами двигал хоть и базовый, но в то же время простейший инстинкт самосохранения (захочешь выжить - не только ползать научишься)...то скорпиона, я считаю, никто не принуждал менять благоприятную среду обитания на очень неблагоприятную. Скорпион пошёл на это вполне добровольно. Что двигало им? ЧТО?

Мне думается, обыкновенное любопытство. Любопытство, сопряжённое с риском и связанное с трудностями. Тяга к Неизвестному, пересилившая инстинкт самосохранения.

Скорпион выжил и здорово при этом закалился.

Специалисты уверяют, что скорпион может выдержать высокую дозу радиации, смертоносную для всего живого. И если когда-нибудь случится, не приведи Аллах, глобальная ядерная война, и вскипят океаны, и земная поверхность сгладится, превратившись от адского жара в стеклянные равнины... по ним заползают обожжённые, но уцелевшие скорпионы. Больше на Земле не останется, наверное, никого.

(Подобные апокалиптические мысли приходили мне в голову ещё тогда, в Казахстане, во время учебных стрельб по беспилотным самолётам-мишеням; ракета за ракетой косо взлетали, волоча за собой хвосты пламени, и это было похоже на огромные огненные плевки из земли в небо... Стоял неумолкающий грохот, по условиям учений все мы были в противогазах, я взирал на полигон сквозь мутноватые стёкла, и в пальцах моих извивался очередной пойманный скорпион...)

Но вернёмся к любопытству. Лично для меня и древний скорпион, и первобытный человек, с копьём на плече бредущий по перешейку из Азии в Америку, и капитан каравеллы, плывущей к неведомым землям, и астронавт, ступающий по Луне - явления одного порядка. Разве не так? Люди-скорпионы. Скорпионолюди. Землепроходцы, открыватели и исследователи. Те, которые не могут подолгу сидеть на одном месте, те, кого гонит куда-то в непонятную и опасную даль таинственная, глубоко скрытая сила, какой-то беспокойный дух. Те, кто способны променять уют и достаток на лишения и тяготы... и всё во имя чего? Во имя поиска ещё большего уюта и ещё более крупного достатка?

Да уж вряд ли. От добра добра не ищут.

Скорпионолюди двигаются в Неизвестное ради самого Движения. Так уж они устроены.

Ну а если я кого-то так и не убедил, пускаю в ход последний довод.

На африканской горе Килиманджаро, в зоне вечных снегов, практически у самой вершины альпинистами был найден сморщенный, мумифицированный труп леопарда. Зверь лежал мордой к вершине.

Житель влажных тропических лесов, где полно жратвы и самок, он лез и лез в гору... полз по снегу до тех пор, пока сильный холод и кислородное голодание не прикончили его.

Кто-нибудь может дать этому разумное, *логичное* объяснение?..

Я, например, не могу. Все мои объяснения будут страшно далеки от логики.

“МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ”-

словосочетание, давно и устойчиво ставшее знаком литературного качества и обозначившее одно из направлений современной русской поэзии.

Считается, что термин возник случайно - Александр Сопровский, московский неофициальный поэт, готовя самиздатовский журнал, без всякого дальнего прицела и особого значения дал ему это название, только позже вобравшее в себя смысловое наполнение.

И, тем не менее, группа авторов, которые стоят за этим названием, легко определяется по ряду общих признаков, как идентичные литературные ориентиры, цеховая выработка вектора - осторожное, а то и дистанцированное отношение к ряду актуальных на тот период тенденций, склонность к ясности, граничащей с презренным для той поры реализмом, открытый лиризм, элегизм, определенный прозаизм и виртуозное владение стилем. Все перечисленное

удивительным образом роднит направление группы с "Парижской нотой", что особенно можно отнести к ранней поре "Московского времени", сложившегося в начале 70-х годов прошлого века. В 1990г трагически погиб основатель группы Александр Сопровский. Остальных, живущих сегодня в разных частях света, до сих пор объединяет дружба и творческое долголетие. Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков неоднократно участвовали в Международных русско-грузинских фестивалях, ежегодно проводимых союзом "Русский клуб".

**Александр
СОПРОВСКИЙ**

ПЕРВОЕ ПУНИЧЕСКОЕ
ПОСЛАНИЕ

С.Гандлевскому

Я расскажу тебе, Серега
(Ты рад, я вижу по глазам),
Как левым бортом "Саратога"
Развертывается к пескам.
Уже ишак ревет спросонок,
И горизонт расцвевать готов,
И замерли на рейде сорок
Сопровождающих судов.
Под килем бездна голубая,
С востока - золотая мгла,
И вздрогнет первый луч, играя
На серой плоскости крыла.
Все шире свет по небосклону.
Свежее ветер перемен.
Так отворился Сципиону
Приговоренный Карфаген.
Воспоминания игривы -
Но это, кореш, навсегда,
Здесь по ночам летают рыбы,
Фосфоресцирует вода.
И праздный раб слагает оду
Тому, кто, не страшась толпы,
Мечом распространил свободу
За Геркулесовы Столпы.

* * *

Б.Кенжееву

Записки из мертвого дома,
Где все до смешного знакомо,
Вот только смеяться грешно -
Из дома, где взрослые дети
Едва ли уже не столетье,
Как вены, вскрывают окно.

По-прежнему столпотвореньем
Заверчена с тем же терпеньем
Москва, громоздясь над страной.
В провинции вечером длинным
По-прежнему катится ливнем
Заливистый, полублатной.

Не зря меня стуком колесным -
Манящим, назойливым, косным -
Легко до смешного увлечь.
Милее домашние стены,
Когда под рукой - перемены,
И вчуже - отчетливей речь.

Небось, нам и родина снится,
Когда за окном - заграница,
И слезы струятся в тетрадь.
И пусть себе снится, хвороба.
Люби ее, милый, до гроба:
На воле - вольней выбирать...

А мне из-под спуда и гнета
Все снится - лишь рев самолета,
Пространства земное родство.
И это, поверь, лицедейство -
Что будто бы некуда деться,
Сбежать от себя самого.

Да сам-то я кто? И на что нам
Концерты для лая со шмоном -
Наследникам воли земной?
До самой моей сердцевины
Сквозных акведуков руины,
И вересковые равнины,
И - родина, Боже Ты Мой...

* * *

С.Гандлевскому

Передо мной пуста бумага,
Вина три литра на столе,
Товарищ спит, забвенье благо
Средь оттепели в феврале.

Придут весенние тревоги,
Уже недолго, не спеши,
Еще устать успеют ноги
От резких выходов души.

С утра и до седьмого пота
В гортани воздух, кровь в груди,
И только светлая работа
Устало брезжит впереди.

* * *

То ли кожу сменившие змеи
Отдыхают в эдемском саду -
То ли правда, что стала честнее
Наша родина в этом году.
Если нет - то на сердце спокойней,
И легко мне, и весело так
Наблюдать со своей колокольни
Перестройку во вражьих рядах.
Если да - я и молвить не смею,
Как мне боязно в этом раю:
Опрометчиво честному змею
Вверить певчую душу свою!

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

* * *

Грешный светлый твой лоб поцелую,
Тотчас хрипло окликну впустую,
Постою, ворочусь домой.
Вот и все. Отключу розетку
Телефона. Запью таблетку
Люминала сырою водой.

Спать пластом поверх одеяла.
Медленно в изголовье встала
Рама, полная звезд одних.
Звезды ходят на цыпочках около
Изголовья, ломятся в стекла,
Только спящему не до них.

Потому что до сумерек надо
Высоту навестить и прохладу
Льда, свободы, воды и камней.
Звук реки - или Терек снежный,
Или кран перекрыт небрежно.
О, как холодно крови моей!

Дальше. Главное - не отвлекаться.
Засветло предстоит добраться
До шоссе на Владикавказ,
Чтобы утром... но все по порядку.
Прежде быть на почте. Тридцатку
Получить до закрытия касс.

Чтобы первым экспрессом в Тбилиси
Через нашатырные выси.
О, как лоб твой светлый горяч!
Авлабар обойду, Окроканы.
Что за чушь! Не закрыты краны,
То ли смех воды, то ли плач -

Не пойму. Не хватало плакать.
Впереди московская слякоть.
На будильнике пятый час.
Ангел мой! Я тебя не неволю.
Для того мне оставлено, что ли,
Море Черное про запас!

* * *

*...То весь готов сойти на нет
В революционной воле.*

Б.Пастернак

А.Сопровскому

Когда, раздвинув острием поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложенья
Издалека накатит на меня;
Когда двуглавым каменным сугробом
Эльбрус (а я там был) уходит ввысь,

И ты впустую борешься с ознобом
И сам себе советуешь "очнись";
Когда мое призванье вне закона,
А в зеркале - вина и седина,
Но под рукой, как и во время оно,
Романы Стивенсона и Дюма;
Когда по радио в урочную минуту
Сквозь пение лимитчиц, лязг и гам
Передают, что выпало кому-то
Семь лет и пять впридачу по рогам, -
Я вспоминаю лепет Пастернака.
Куда ты завела нас, болтовня?
И чертыхаюсь, и пугаюсь мрака,
И говорю упрямо: "Чур меня!"
"Ты царь", - цитирую. Вольно поэту
Над вымыслом возлюбленным корпеть,
Благоговеть, бродя по белу свету,
Владимира Буковского воспеть.

* * *

Б.Кенжееву

Мое почтение. Есть в пасмурной отчизне
Таможенный обряд, и он тебе знаком:
Как будто гасят свет - и человек при жизни
Уходит в темноту лицом и пиджаком.
Кенжеев, не хандри. Тебя-то неуместно
Учить тому-сему или стращать Кремлем.
Терпи. В Америке, насколько мне известно,
Свобода, и овцу рифмуют с кораблем.
Я сам не весельчак. Намедни нанял дачу,
Уже двухкомнатную, вскладчину с попом.
Артачусь с пьяных глаз, с похмелья

горько плачу,

Откладывая жить на вечное потом.
Чего б вам пожелать реального? Во-первых,
Здоровья. Вылезай из насморков своих,
Питайся трижды в день, не забывай о нервах
Красавицы-жены, пей в меру. Во-вторых,
Расти детеныша, не бей ремнем до срока,
Сноси безропотно пеленки, нищету,
Пренебрежение. Купи брошюру Спока,
Читай ее себе, Лауре и коту.
За окнами октябрь. Вокруг приметы быта:
Будильник, шифоньер, в кастрюле пять яиц.
На письменном столе лежит "Багаватгита" -
За месяц я прочел четырнадцать страниц.
Там есть один мотив: сердечная тревога
Бойтся творчества и ладит с суетой.
Для счастья нужен мир,

казалось бы, немного.

Но, если мира нет, то счастье - звук пустой.
Поэтому твори. Немало причинила
Жизнь всякого, да мы и сами хороши.
Но были же любовь и бледные чернила
Карельской заводи... Пожалуйста, пиши
С оказией и без. Целуй семейство пылко.
Быть может, в будущем - далёко-далеко
Сойдемся запросто, откупорим бутылку -
Два старых болтуна, но дышится легко.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ
СЕРГЕЮ ГАНДЛЕВСКОМУ,
СОДЕРЖАЩЕЕ КРАТКИЕ
ИНСТРУКЦИИ ПО СОЧИНЕНИЮ
ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД ПОСЛЕ
ПАДЕНИЯ КОММУНИЗМА

Сергей! Поэмами своими
порядочный составив том,
давно, мой друг, обрел ты имя,
и знаменитое притом.
Но, певший Лесбию и Мавру,
Лилет созвездье и Марин,
льзя ль почивать на этих лаврах?
Очнись, российский гражданин!
Нужны ли страждущей эпохе
и героической стране
твои лирические вздохи
и поцелуи при луне?

В восторге небывалых сдвигов
один среди ночных ветвей,
о фермах распеваает Пригов,
России верный соловей.
А что Кибиров? Оком влажным
глядит, возвышенный творец,
и вдохновенно, и протяжно
под стук восторженных сердец
поет, что сбросила оковы
отчизна, что на ней уж нет
цепей! И даже у Цветкова
о том имеется сонет.

Один лишь ты, Сергей угрюмый,
упрямым духом не воспрял,
далек лирическою думой
от хитроумных хуторян.
Поэт - не хватит ли по пьянкам
шататься с язвою в груди?
Для Агрокима с Кредобанком
хореи звучные найди!
Не спорю я - презренно злато.
Но разве лирнику к лицу
отвергнуть милость Мецената
благословенному певцу?

Немало в жизни есть курьезов,
стрекоз средь луговой травы.
Но нерентабельность колхозов,
но независимость мордвы
куда чудесней, друг мой милый!
Отечества достойный сын
не тот, кто с миною унылой
заходит в винный магазин,
не тот, кто грезит об альковных
страстях! Хозяйственника дар
прекрасней, чем Егор Гайдар,
пленительней утех любовных.

Гюльшан ТОФИКГЫЗЫ (Баку)

ДАВАЯ ДЕТЯМ ИМЕНА...

Рамазан был бессменным участковым одного из апшеронских поселков на протяжении двух десятков лет. Должность участкового для таких поселков - чисто символическая. Все более или менее серьезные споры и проблемы решались на уровне сельсовета или местных аксакалов. Но и у тех на памяти не было происшествий криминального свойства, где потребовалось бы вмешательство участкового милиционера. Однако должность Рамазана предусматривалась исполнительной властью. Вот он и был.

Ходил по дворам, чаевничал со стариками, поучал и без того почтительную молодежь и отгонял от себя греховную мысль о каком-нибудь из ряда вон выходящем злодействе, которое тотчас сам и раскроет. Чудак!.. Зачем ему такая "головная боль"? Начальство и без того им довольно - участок благополучный. Вот и медалью недавно награжден по случаю Дня милиции и за двадцать лет безупречной службы в ее рядах. Но вскоре радостное событие, происшедшее в жизни участкового чуть не создало почву для "упрека" в этой "безупречности".

Время шло. Закон преступать никому и в голову не приходило. И слава Богу!.. Как, скажите на милость, мог бы расследовать какое-нибудь правонарушение Рамазан, у которого в доме пять дочек и жена на сносях?

- Эй, Рамазан-ами, - еле переводя дух, кричал соседский мальчик, обнаружив участкового под навесом у духанщика Муртуза, - Разия-хала велела вам немедленно идти домой. Чтоб девочки одни не оставались.

- А чего это ей командовать вздумалось? Я на службе! - вытирая пот из-под приподнятой фуражки, отвечал Рамазан. - Куда это ее опять понесло? К тетке, к бабке? - Не-ет, ее в больницу понесло, - в тон ему ответил паренек.

- Ай-яй-яй!.. - хлопнул себя по коленкам Рамазан. - Неужели снова девочку родит? Вроде, не время еще. Ну, побежал я, брат Муртуз.

- Магарыч с тебя, если мальчик будет, - весело прокричал ему вслед духанщик.

Не подвела женушка, угодила на этот раз. Догадались, кого родила? Мальчика? Ага, сразу двух!

- Вот жена, так жена! - не мог нарадоваться счастливый Рамазан. Загибая пальцы, он перечислял. - Все успела до полудня: обед приготовила, белье выстирала, корову

подоила, цыплят покормила, двор прибрала, да сынов родила!

- Верно, верно! - кивали головами односельчане, угощаясь за его счет у духанщика Муртуза. - Наши женщины не чета всяким империалисткам-белоручкам. Всем носы утрут!

- А как назовешь сыновей, Рамазан, - поинтересовался Муртуз. - Решил уже?

- Решил: Маркс и Энгельс! - гордо произнес Рамазан. - Уж гордиться так гордиться!

Надо сказать, что такое решение не удивило никого. И прежде мальчиков называли именами вроде Ленком, Комиссар или Большевик. Верность идеям коммунизма подчеркивали. Мужчины одобрительно закивали, выражая поддержку решению участкового, и стали наперебой желать детям всяческих благ. В конце концов, отцу мальчиков виднее.

- А ты хорошенько подумал, Рамазан? - с сомнением в голосе спросил духанщик.

- Что ты хочешь сказать? - удивленно вскинул брови Рамазан. Все вдруг замолкли и стали переглядываться в недоумении.

- Чем плохи такие имена? - продолжил вопрос участковый. - Разве есть люди, достойнее Маркса и Энгельса? А-а, понял: ты ведь у нас из рода Кербалаи-Джафарбека! А вам, бекам и агаларам, наша социалистическая революция нехстати пришлось. Участковый был явно разогрет вином, и дело могло принять нежелательный поворот. Побледневший Муртуз замахал руками.

- Да что ты мелешь, Рамазан? Ради твоего же блага спросил. Вот, к примеру, как назовешь мальчиков, если напакостят? Негодники, паршивцы или, того хуже, собачьи дети? А как их имена при таком отчестве рядом поставить? Маркс Рамазан оглы или Энгельс Рамазанович? Тезки их, сам знаешь, атеистами были ... (чуть не сказал - безбожни-ками!)

Тут участковый и сам задумался. Действительно, как пожурить пацанов, если, вдруг, провинятся.

- Эй, Маркс, сукин сын!.. Снова соседу окно разнес мячом? И ты, Энгельс, ослиная башка, с ним заодно?..

- представил себе эту сцену Рамазан и аж передернулся от холодных "мурашек".

Дальновидность духанщика Муртуза помогла братьям-близнецам Максуду и Энверу получить нормальные "человеческие" имена. А участкового Рамазана еще не раз прошибал холодный пот при мысли о том, как он чуть не совершил непоправимую ошибку, назвав сыновей именами вождей мирового пролетариата. Точнее, их фамилиями.

Вам не понравилась эта история? Неактуальна?.. А вы представьте себе, каково было бы носить имена Маркс и Энгельс сыновьям Рамазана в наши 2000-е? Так что, упокой Аллах душу духанщика Муртуза!..

Анна ПОЛЕТАЕВА (Ереван)

* * *

Мужчина светит, женщина читает
И буквы потихоньку забывает
Захлопывает книгу и встает

Идет на свет - но он ей не дается
Мужчина плачет, женщина смеется
А может быть, совсем наоборот

Никто уже не помнит, что в начале
Кого здесь провожали и встречали
Какие звуки ветер разносил

Мужчина ищет, женщина находит
И больше ничего не происходит
Одна любовь - насколько хватит сил

* * *

Помилуй их, оставивших меня -
И мной из тьмы не выведенных тоже.
Позволь простить друг друга, не кляня
За то, что позабыть никак не можем -

За имя, прозвучавшее в бреду,
За руки, продолжающие сниться...
За годы, что безжалостно идут,
Меня представления и лица.

Прости нас - так по-детски горячась
Считающих сердечные ушибы -
За каждую мечту, что не сбылась...
За тех, кого не любим - а могли бы.

* * *

Дело к ночи, милый, дело к ночи -
Ну, а ночью надо бы поспать.
Я еще проснусь к тебе, сыночек,
Крепко обниму тебя опять.

Ведь иначе было бы нечестно...
Даже если сразу не смогу,
Я чуть погодя к тебе воскресну -
И тебя от бед уберегу.

Буду рядом, так или иначе -
Ветром, тихим облаком, травой...
Ничего не бойся. Спи, мой мальчик.
Я еще вернусь к тебе живой.

* * *

В осенний пазл последний лист вложив -
Само собой, кленовый, пятипалый -
Вздыхнешь легко... Больной скорее жив,
Хотя пока и выглядит усталым.

И в целом вся картинка удалась,
Здесь даже дождь прекрасен и уместен -
Как с небом проступающая связь
На стершемся прозрачном палимпсесте.

А что там, за дождем, не разобрать -
И это даже к лучшему, возможно...
Так легче приучить себя опять
Дышать и говорить неосторожно,

Идти - и не считать своих шагов,
Благодаря летящие снежинки
За то, что мир немного не таков,
Как на твоей придуманной картинке...

* * *

Небесное ли в землю возвращать?..
В объятиях желанного мороза
Вчерашняя застыла благодать -
Звучащая у сердца лакримоза
Почти неразличима, не слышна,
Как ниточка стихающего пульса...

Так молится далекая весна
О тех, кто обещал и не вернулся -
Забыв уже и лица, и слова,
И помня только музыку объятий
Последних... И пока она жива,
Ни тронуть эти звуки,
Ни разнять их.

* * *

Кто Вы? - Если б знала, я бы Вам
Первому сказала, так и знайте.
Может, тень ребенка на асфальте,
Может, вздох по умершим словам...
Или лучший мастер по стрельбе
В молоко вчерашнего разлива,
Или Ваше право быть счастливым...
Или звон прощальный по себе.

Чем Вы занимаетесь? - Учусь
Отвечать на глупые вопросы,
Не встречая в спор многоголосый,
И мотать прошедшее на ус -
Пусть метафизический, но свой, -
Над судьбой отчаянно смеяться
И смотреть на страшное сквозь пальцы...
И казаться теплой и живой.

* * *

Накроем стол случайной музе
На глубине своих иллюзий
И с ней амброзии глотнём.
Запишем с голоса два такта -
Мол, дальше мы и сами как-то,
Свободной ночью или днём...

И закатив большую пьянку,
Её проводим спозаранку -
Чтоб ненароком не сказать,
Что мы и плакали, и пели,
Как будто всё на самом деле -
И кислорода еле-еле....

* * *

А что тут скажешь, что тут сделаешь
В своём нигде из ничего?..
Ну, крикнешь в небо загустелое,
Чтоб ближе кто-нибудь его

Любил - бессмысленно, безмысленно,
Как может только старый пёс...
Какими числами исчислено
Все то, что нёс - и не донёс

До рта, до сердца, до излучины
Неназываемой реки,
Где воды берегом измучены
И отрешённо глубоки?..

Какое слово тут - без жалобы -
От боли нужно под язык,
Чтобы самим собой спасало бы
От всех чудовищных музык

Исподних, колющих и режущих
Живое мёртвою тоской?..
Ну, раз не счастье - пусть убежище.
Пускай тепло, раз не покой.

* * *

Говорю тебе - встань и иди,
Без дороги, по снежной пустыне...
Всё, что есть позади, впереди,
Всё забудется, канет и минет -

Но останется эта Звезда,
На которую шли, как умели,
Мы с тобой поглядеть на Христа
В неудобной Его колыбели...

И несли Ему наши сердца,
Ничего не имея другого -
Как второе наследство Отца
После первого вечного Слова.

**Анаит ТАТЕВОСЯН
(Ереван)**

ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА

- Я люблю вас, - сказал он. - Идемте со мной, - сказал он. - Я поведу вас к вершинам, - сказал он. - Закройте глаза, нас ждет тяжелый и страшный путь, - добавил он небрежно и выжидающе взглянул на собравшихся.

- Мы не боимся дороги, - ответил один из толпы. - Зачем нам закрывать глаза?

- Вы не доверяете мне? - печально сказал он, повернулся и сделал несколько шагов.

- Мы верим тебе! - наперебой заговорили собравшиеся. - Ты поведешь нас к вершинам! Мы закроем, мы уже закрыли глаза! Веди нас!

И он повел.

- Откройте глаза! - сказал он. - Вы не верили, что путь наш труден и страшен, так взгляните. - Он обвел рукой бесконечные волны, окружающие плот, на котором они сидели. - Только не сходите с тропы. За ней смерть.

- А может быть... - встал один из сидящих, сделал шаг с плота и исчез в пучине.

Все в ужасе зажмурились.

- Держите глаза закрытыми, - сказал он. - Так вам будет легче дойти до вершин.

- Повернитесь налево и откройте глаза, - сказал он. - Вот дорога, которую вы хотели видеть, - указал он на бездонную пропасть. - Только не сходите с тропы.

- Почему? - спросил один из идущих за ним и сделал шаг в пропасть. - Эхо долго носило по ущелью его крик.

- А теперь за мной, - сказал он, - и не смотрите направо. Там все еще ужасней. А лучше - закройте глаза.

Все покорно закрыли глаза и пошли за ним дальше.

- Откройте глаза, - сказал он им в третий раз. - Вот вершины, к которым я обещал привести вас. Разве они не прекрасны? Дул резкий ветер. Облака проплывали прямо над головой, задевая верхушки скал. Нестерпимая белизна льда и снега резала отвыкшие от света глаза. От высоты перехватывало дыхание, и кружилась голова.

- Я привел вас, сказал он. - Я сделал все, что обещал. Но я люблю вас. Если я могу сделать для вас что-то еще - просите. Дошедшие до вершины робко переминались с ноги на ногу, пока, наконец, один из них не решился заговорить:

- Разрешите нам закрыть глаза, - попросил он, и остальные согласно и с облегчением закивали.

ВЫСШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Взрывом газа вынесло стену панельного дома на третьем этаже, обнажив закопченные останки коммунальной кухни. Ярким пятном на фоне почерневшей стены притягивали взгляд зелено-золотистые лохмотья шторы, заменившие крону ближайшему тополи. Тополь был по-декабрьски гол и черен, весь снег с него стек еще в начале ночи, смешавшись со слякотью, в которую превратили снег во дворе совместные усилия пожарников, зевак и жителей дома. Жильцы мыкались по двору, разбирая завалы в спешке

выброшенных из окон вещей: украшений, документов, одежды, книг, домашней утвари, связок старых писем и ностальгических сувениров. Над осколками антикварной супницы и декоративным столиком с подломившимися ножками голосила Тонька из седьмой квартиры, ругая на чем свет стоит Мишку-балбеса, своего мужа.

- А потому что неспроста это, - назидательно выговаривала стоявшая чуть поодаль старушка из соседней высотки двум своим подругам. - Вот мы умысла Божьего не знаем, а ведь наверняка была в этом какая-то высшая надобность, - заключила она, значительно примолкнув, словно ей эта высшая надобность была известна достоверно и из первых рук.

В другом конце двора закончили устанавливать аппаратуру журналисты с оппозиционного канала. Бойкий усатый мужчина цветисто говорил в микрофон что-то о беспомощности властей и неспособности взять под контроль ситуацию. Подъехавший чиновник окинул его злобым взглядом, после чего, сладко улыбнувшись в камеру, заговорил о том, что дом был аварийный, под снос, что администрация давно работает над этим вопросом, и все погорельцы будут расселены по новым квартирам в течение недели.

Во двор въехала легковушка с родственниками Алены Игоревны из двадцать восьмой. Вид у водителя был слегка помятый: по пути, отстояв в пробке четыре часа, он успел поругаться с тещей, выиграть кофеварку в радиовикторине и посадить аккумулятор мобильного телефона.

Сменившая чиновника у микрофона Валентина из семьдесят четвертой, оправляя платок и явно тушуясь перед камерой, причитала:

- Вот, дочка приставала всю неделю: давайте сделаем птичкам домик, замерзнут, а теперь вот сама замерзнет как воробышек, и податься нам некуда...

- И домик так и не сделали птичкам, - размазывая кулачком слезы, добавила девочка. Оператор завозился, стараясь дать ее лицо крупным планом.

Стороживший одну из куч с вещами Митька из шестнадцатой довольно пихал в бок Наташку из сорок седьмой, не рискуя более бурно выразить их общую радость: в сгоревшем доме остались все школьные учебники.

Баба Люба, уже успокоенная чиновником насчет дальнейшей своей судьбы злорадно поглядывала на бывшие свои окна:

- И все равно житья тут не было никакого, да еще тварь эта серая повадилась в окна шастать по ночам. Всю душу вымотала, а вчера прям из зубов у нее сосиски вынуть успела. Уж я ее веником, веником... Вот пусть теперь пошастает, зараза...

Двор постепенно пустел. Последней, недовольно поджав губы, его покинула Людмила Егоровна из соседней высотки, так и не увидевшая ничего, что годилось бы на роль высшей надобности.

В шестьдесят второй квартире, на полуобгоревшем кресле бабы Любы, удобно устроилась дворовая Мурка со связкой уцелевших сосисок.

В запутавшейся в ветках шторе перезимовала пара воробьев. Весной у них появилось пятеро замечательных птенцов.

С армянского

Сона АМБАРЦУМЯН

ДОРОГА

Непроходимая...
Свет,
поражающий стрелой.
Вот опять
охотящаяся за снежинками
кончиком языка девочка,
чтобы удержать слёзы,
подняла глаза к небу.
Падает снег...
книга... рисунок...
Легко-легко опускается со снегом
отяжелевшее сердце -
пустое...
Опять непроходимая дорога.

Дорога
с блестящей
рыбьей чешуёй,
под которой
плавают улыбки.
Нет вопросов.
Держись за попавшуюся рыбную
косточку,
а то поскользнёшься...
Кто хотел бы стать едой для акулы.

Дорога...
Без прохожих...
Манекены на продажу,
за одну их ногу платят миллионы.
Десять копеек, втопанные в грязь,
кто-то засовывает в пожелтевшие
карманы белых брюк.

Дорога...
капли дождя...
испуганные веки.
Для водоотвода
ресницы поворачивают направо...
Баптистерия.
Ряд некрещёных новорожденных
(мой малыш улыбается во мне).
Капли дождя
пробуждают корни цветов.
Поправляешь свой галстук,
кажется, не дойдёшь
до дороги.

Садись.
Твои шаги уставшие,

стояние - безнадежно.
"Хорошо, что о тебе
пекутся", -

говорят камни
на дороге...
Но что шепчет сорвавшийся вместе
с цветком листок,
упавший на дорогу?

* * *

Я украла платок,
который ты хранила в своей груди
вблизи двух источников моей жизни.
Я украла твое внимание,
которое когда-то было отдано книгам.
Я украла твою Любовь,
которая не ведала путей
дальше моего отца,
сейчас она со мной...
Украли тебя у сестры,
которая раньше меня назвала тебя мамой.
В твоём платке было две слезы,
которые дали мне жизнь.
И сейчас, вытирая слёзы,
я прячу твой платок в своей груди.

Перевод Елены Шуваевой-Петросян

Эдуард АРЕНЦ

* * *

Ты и сама отлично
понимаешь,
что нынче
не прекрасны времена,
и времена года
не так уж благоприятны
для моего наилучшего перевода...
Но ты...
благоухай
и в самостоятельных ангельских языках
не спотыкайся так,
тебе не идет
в своих любовях деепричастное покаяние...
Июль
С проницательностью любовницы,
которой изменяют,
солнце опалает
полнодышащие капилляры шелковицы,
плодоносящей
словно жертва любви -
на беспутных клинках тротуаров...

Один сбор винограда
за другим смиренный
лист ревнует дерева
наготу
по стыдливим ступенькам которой
аромат возносится на ветви,
как будто
летний бессмертный канатоходец.
Водку сводит судорогой по всему городу:
как водяной канат
по которому беспечно прогуливаются
депрессивные рыбы,
раздающие человека
посреди улиц...
Утро - из дырявого кармана августа
склоняющийся
наречный суффикс.

Перевод Анаит Татевосян

Ваге АРСЕН

НОКТЮРН

Смерть, как обычно, оправдана...
в сотворенную Богом белизну
просачивается черный тон...

твое фальшивящее пианино
до глухоты довело...
до самой черты мгновения...

черная сплошь клавиатура...
беззвучный звук...
в пяти строках надменно взвивающееся
соло голосовой связки
всегда срывающейся
именно из коронных строчек...
человек - зыбкий набросок
неловкий меловой штрих...
мираж он...

приподнявшееся время отстает
от зоркого взгляда...

под рассеченной кожей
смерть, как обычно, оправдана
печальная судьба
завевавшегося прохожего...

под рассеченной кожей
обгоняющие тебя секунды
изящно сползает стусок крови
и всегда кто-то да маячит
в прорези мгновения

Ваханг БУАЧИДЗЕ

ПАПЫ ВАЖНЫ ВСЯКИЕ

В нашем маленьком городе первым лицом среди всех жителей считается мэр. Чин градоначальника обязывает его всегда и во всём помогать людям, посильным, а порой и непосильным трудом пополняющим городскую казну. Но при советской власти было не совсем так. То есть, люди нашего небольшого города, в частности, рабочие большого металлургического завода тоже до отказа набивали городскую бюджетную кубышку, но за помощью они чаще шли не к председателю горисполкома - тогдашнему городскому голове, а к первому секретарю райкома партии. Невидимый нимб над головой персека завораживал просителей куда больше, чем пухлая дерматиновая дверь кабинета городского головы. Жильцу какого-либо ветхого домишки председатель горисполкома мог только пообещать оказать содействие, скажем, в замене прохудившегося водосточного жёлоба или устранить засор в канализационном стоке. Выполнил бы или нет своё обещание горисполкомовец - это ещё, как говорится, бабушка надвое сказала. А вот партия - другое дело. Партия сказала - выполнила. А если партиец сказал и не выполнил, то такого товарища партия очень даже была способна по тому самому водосточному жёлобу спустить ниже самой глубокой канализации.

Стелла Парменовна Лория поступила необдуманно, когда решив увековечить память своего дорогого папы в названии одной из городских улиц, оказалась с этой сокровенной идеей в приёмной председателя горисполкома. Девушка-секретарша с хорошим знанием основных языков, на которых изъяснялось многонациональное население нашего города, пару раз ссылалась на важную занятость градоначальника Ираклия Капанадзе, а потом и вовсе посоветовала Стелле Парменовне перенести визит на прохладную осень.

- Ираклий Мамедалиевич собирается в отпуск, вы бы зашли в октябре, - глядя в законную небесную даль, сказала секретарша.

- В октябре у него будет сбор винограда, потом - пора свадеб, затем - армейский призыв, - раздражённо ответила Стелла Парменовна. - Между прочим, мой отец был заслуженным врачом республики, хирургом-новатором, фронтовиком. Там, в заявлении всё указано.

- Я читала. Ираклий Мамедалиевич тоже в курсе. Но у него август лимитирован. В это время он всегда выезжает в Эссентуки.

- Он что, почечник? - полюбопытствовала Стелла Парменовна.

- Да нет. Отец его нутром каким-то страдает. Он отца каждое лето семнадцатым номером отпаивает на водах, - продолжая глядеть в небесную даль, пояснила секретарша.

Стелла Парменовна слегка удивилась познаниям молодой девушки в курортно-бальнеологической арифметике, перебрала в уме полдюжины цифр, тщетно стараясь вспомнить другой известный номер целебной минералки, увязала неожиданный провал в памяти с изматывающей

летней духотой и примирительным тоном произнесла:

- Родители - это святое. Но и мне время терять никак нельзя. Я не могу сидеть сложа руки. Пусть Ираклий Мамедалиевич не обижается. Кстати, почему у него такое странное отчество?

Секретарша посмотрела на Стеллу Парменовну голубоватыми, как небесная даль, широкими глазами, сдержала проскользнувший в них укор за излишнее любопытство и обстоятельно его удовлетворила:

- Ираклий-батона родом из Нижнего Картли. Население там, сами знаете, неоднородное по этносооставу: грузины, ассирийцы, азербайджанцы, немцы. Но мама у председателя чистокровная грузинка - это я точно вам говорю. Знакома с ней. Душка необыкновенная! Золотой человек!

"Да, дурёху здесь не посадят. Разумная девочка". - подумала Стелла Парменовна, молча кивнула головой - то ли благодарно, то ли понимающе, - и не попрощавшись, вышла из приёмной председателя горисполкома.

Первый секретарь райкома партии, сорокалетний ухоженный красавец Леван Дарсадзе принял Стеллу Парменовну не как ответственное лицо, а как однокашник, окончивший ту же самую школу, что и визитёрша, и, кроме того, как сосед, живший с ней на одной улице, правда, в разных домах. Особняк Пармена Лория стоял в полусотне метров от хрущёвской пятиэтажки, в которой когда-то дали квартиру профсоюзному лидеру местных металлургов Николозу Дарсадзе. Лидер вместе с женой воспитывал единственного сына, и надо сказать, вложенный в это воспитание капитал, потомок с годами разнообразно приумножил, в том числе - в виде очень приспособленных к суперкомфортной жизни новых мест долговременного обитания. Несмотря, однако, на наличие роскошных дуплекс-апартаментов и шикарной загородной дачи, Леван Дарсадзе не расстался с трёхкомнатным родовым гнездом и даже сохранил в паспорте прежнюю прописку - улица Энтузиастов, дом 5, квартира 9. Наведывался он сюда нечасто, но в конце каждого февраля, когда предвесеннее южное солнце уже всю разогрело землю, - непременно. Смерть забрала отца в первый мартовский день. Левану не хотелось начинать весну с тяжёлых воспоминаний, а провожать ими календарную зиму было не так тягостно. Он обкладывался фотографиями и на час-другой уносился памятью в комсомольскую молодость, и дальше - в пионерское детство, где были живы родители, где одноклассник Витя Майсурадзе ещё не отправился в "малолетку" за кражу автомагнитол, а старшеклассница Стелла Лория своей ладной фигуркой уже гнала юную кровь в нижние отделы крепнувшего мальчишеского тела.

Сейчас бывшая пионервожатая, товарищ Стелла стояла перед Леваном Дарсадзе навтыжку, почти как он сам перед ней много лет назад. Заметно огружёная дама с массивной кормовой частью уже никак не катализировала биохимические процессы в кроветворной системе первого секретаря райкома партии. Он грустновато отметил этот факт про себя, но не удержался от дежурных джентльменских восторгов, столь приятных любой женщине:

- О, Стелла, вы не меняетесь! И главное, никаких следов криологии. Всё своё, всё естественное, всё в том же пышном цвету!..

Стелла Парменовна, музейный работник, не знала значения слова "криология", но поняла, что в нём нет для неё ничего дурного. Не дожидаясь команды "вольно", она расслабленно подплыла к креслу, без приглашения села и стала вглядываться в обтянутый красным бархатом стенд с фотографиями почётных граждан нашего города.

- А почему здесь нет вашего папы? - тихо поинтересовалась Стелла Парменовна и, близоруко щуря глаза, уже громковато добавила: - Да и моего тоже.

- Родного отца вроде неудобно над собой вывешивать, к тому же он и в почётных гражданах никогда не ходил. А фото Пармена Григорьевича решили заменить: изображение совсем выцвело. Как раз на днях вам звонить собирались... Вы бы присмотрели фото поновее. - ответил Леван.

Стелла Парменовна, воодушевлённая таким приятно исчерпывающим ответом, подбоченилась, насколько это позволила ей сделать складка на животе с туго накачанную велокамеру и, горделиво выпрямив голову, сказала:

- Да, это было фронтовое фото. Там папа в кителе, с орденами... Он оперировал сначала в тыловом лазарете, а потом до Польши дошёл... В Познани ему полковника дали и должность начальника в гарнизонном госпитале... Вам, Леван, тоже есть за что гордиться родным отцом и вывешивать его над собой не можно, а нужно, - нет в том ничего неудобного. А в почётные граждане и сейчас не грех зачислить. - Стелла Парменовна запнулась, чуть помешкала, взвешивая, видно, в уме плюсы-минусы тирадной концовки, и выдохнула: - Посмертно...

Первый секретарь райкома деланно улыбнулся. Здесь, в его кабинете милостивое позволение ранней гостьи подобрать местечко Дарсадзе-старшему в настенном фотопантеоне прозвучало явно неделикатно. Даже если она не предполагала, что секретарю райкома известно очень многое из жизни почётных граждан города, лучше следовало бы помолчать. Молчит же он. А ведь сколько мог бы порассказать. Да взять хотя бы этих обоих папаш. Правда, родной, Николоз Дарсадзе, может быть, и сметал в свой карман мелочишку от профсоюзных поборов, но зато путёвки курортные распределял по-честному: и прокатному цеху, и мартену, и доменщикам всегда доставалось. Года не было, чтобы сталевар Мамедали Алиев в Эссендуки не съездил. А ведь это Лория ему желудок чуть ли не ополовинил. И не одному ему. Деревенских азербайджанцев Пармен через одного под нож клал. У мужика катар средней тяжести, лечить можно, а Пармен его для пушей важности в столицу к знакомому рентгенологу отправлял. Тот за червонец просвечивал и всегда находил осложнённую язву. Ну и к Пармену на стол. Каждая операция - сотня. Лет пять они так промышляли, пока хирург Палаванов лавочку не прикрыл: прямо в операционной поймал Пармена с поличным. Под суд грозился отдать. После того случая Пармен умом тронулся, дочка дорогого папу в дурдом спланила. Там он и кончился. И теперь его именем улицу называть?!

Леван Дарсадзе встал из-за стола, подошёл к стоявшему в углу бюсту генерала Леселидзе, щёлкнул пальцем по гипсовому плечу и сказал:

- Посмертно у нас только звание Героя Союза дают. И то лишь однополчанам Леонида Ильича... Благодаря его личному вмешательству...

- Леван, дорогой! - Стелла Парменовна утёрла круглое потное лицо влажной салфеткой. - Вмешайтесь и вы в решение моего вопроса. Вы, наверное, знаете, о чём я хлопочу. Разве мой отец не достоин одной городской улицы, на которой жил? Он тоже своего рода герой! К горсоветчицам ткнулась, а там главный в отпуске. Ну я к вам... Вы меня поймёте...

"Понять-то пойму, и тебя, и Мамедалиевича: не хочет он твою физиономию видеть, а мне вот приходится", - подумал персек, а вслух скороговоркой, словно по-писанному отбарабанил: - Меня известили в деталях. Пармен Григорьевич, конечно, герой. Но я ведь не Брежнев. Партбюро должно собраться, горсовет должен поддержать... В городе, кстати, до сих пор нет улицы генерала Леселидзе... Вот если бы ваш отец служил в восемнадцатой армии...

- Не служил, - посуровела Стелла Парменовна, - потому до Польши и дошёл. А-то бы со всеми в Керчи погиб смертью храбрых. Он сам других от смерти спасал.

Леван Дарсадзе поморщился. Вспомнился торжественный приём ветеранов в просторной горсоветовской столовой по случаю очередного Дня Победы. Изрядно захмелевший от "саперави" Пармен Лория поносил вислоусого Леха Валенсу, который начинал рулить Польшей. Потом перешёл на поляка-хирурга, усомнившегося в его, начальника фронтового госпиталя, диагностических способностях. А закончил диким рассказом о том, как ему удалось убедить маловеера в своей правоте диагноста, удалив у солдата абсолютно здоровую, целёхонькую почку. Пармен пил стакан за стаканом и, приводя в стыдливое смущение соседей по столу, сыпал пьяными признаниями:

- Не мог же я перед этим заносчивым ляхом уронить авторитет советского врача. Раз я сказал "разрыв почки", надо было ему "разрыв" показать. Я её и того... собственноручно... Сначала крепко нажал, аж затрещало..., а потом поляку под нос сунул... На, говорю, смотри, советский военврач никогда не ошибается... А солдатика моего всё равно бы комиссовали: у него ногу гангренозную отняли. Так что без разницы, - с почкой, без почки...

На следующий день протрезвевший Пармен допытывался у вчерашних сотрапезников, не сболтнул ли он чего лишнего. Сотрапезники отводили глаза и в свою очередь полушутя спрашивали, правда ли, что он запретил пациентам благодарить натурой, сделав исключение лишь для крестьянских хохлаток, не белых притом, а непременно пестропёрых, вскормленных кукурузой.

Пармен Григорьевич знал толк в хорошем курином мясе. А ещё он любил сравнивать себя со знаменитым хирургом Николаем Амосовым. Хотел, как и он, вывести на дверях операционной надпись "Цветы не приносить". Но не вывел. Опасался, видно, что пациенты сочтут его чудачком-бессребреником, и как Амосову, перестанут нести всё,

Тбилисцы

кроме цветов. Опасения, конечно же, были напрасными. Пациенты знали, что и сколько нести. Не поднял бы Пармен расценки на внутриполостные операции, не страшал бы ради неправедных денег сельскую малограмотную публику при необострённой язве неминуемым раком желудка, не хвастался бы где ни попадя нулевой смертностью среди своих прооперированных мнимых предонкобольных, не бился бы истерически-бестолково с хирургом от Бога Костей Палавановым за реноме лучшего районного оператора, - авось, не оказался бы в смиренной рубашке крест-накрест привязанным к топчану в подвальных палатах республиканской психбольницы. Вот как бывает! Сломалась в голове Пармена Григорьевича какая-то шестерёночка, отвечавшая за надлежащий уровень совести в резервуаре постаревшей души. Совесть осталось совсем на доньшке - и шестерёночка встала. И главный часовщик, прежде чем навсегда остановить часы, наказал человека безумием. И даже не получается, как водится в таких случаях, спросить горькое "за что"? Разве неясно?

Леван Дарсадзе понимал, что бывшая пионервожатая, товарищ Стелла действует не в одиночку. У Пармена Лория имелось немало влиятельных друзей в Совмине и Минздраве, теперь там работали их дети, и, разумеется, настоятельные требования дочери почившего светила от советской хирургии не могли долго оставаться без внимания. Рано или поздно Стелла Парменовна своего всё равно бы добила. Поэтому Леван Дарсадзе не стал дожидаться звонков сверху. Первым делом он вызвал председателя горисполкома и объяснил ему, что ввиду крупной общественно-политической значимости фигуры Пармена Лория для нашего города, необходимо часть улицы Энтузиастов переименовать в улицу его имени, а другой части присвоить имя видного профсоюзного деятеля Николоза Дарсадзе.

Председатель горисполкома отнёсся к поручению с ответственной сочувственностью. Он понимал, как нелегко его партийному боссу отказаться от давно лелеемого намерения изготовить десять новеньких адресных табличек, выписать на них отцовскую, а, стало быть, собственную фамилию и присобачить вместе с новыми номерными знаками ко всем без исключения домам на улице Энтузиастов. Теперь же выходило, что таких домов будет вполтину меньше, поскольку два относительно равных отрезка распарованной улицы обретут два разных названия. Ираклий Мамедалиевич продал бы душу дьяволу, если бы тот воспрепятствовал появлению в городе улицы Пармена Лория, но огорчительная неотвратимость этого события вынудила председателя горисполкома действовать крайне оперативно, чтобы итоговый усечённый вариант инициативы Стеллы Парменовны не вызвал у неё болезненного раздражения и острого желания обратиться в вышестоящие органы республики. Конечно же, она не мечтала об улице имени своего папаши всего в какие-то пять домов. О другом мечтал и Леван Дарсадзе, но как человек неглупый, прекрасно понимал, что улица в пять домов для номенклатурного работника, запускавшего-таки руку в общегородскую профсоюзную кассу, - всё же лучше, чем ничего.

Председатель горисполкома велел срочно произвести все работы по переименованию улицы Энтузиастов и уже к сентябрю горкомхозовцы разделили её на проезд Пармена Лория и проход Николоза Дарсадзе. Товарищи по партии посоветовали первому секретарю чтить память об отце именно таким непритязательным образом, тем более что бывшая улица Энтузиастов упиралась в некогда глухой забор, с тыльной стороны окружавший заводскую территорию. Рабочие пробили в нём дыру и частенько пользовались этим лазом как дополнительной неофициальной проходной. Леван Дарсадзе рассчитывал со временем соорудить здесь настоящую проходную с вахтёром и турникетной вертушкой - тогда название короткого проулочка выглядело бы вдвойне оправданным и уж точно отвело бы от персека все подозрения в необоснованных сыновьях амбициях.

Стелле Парменовне Лория такое обхождение с папиными заслугами очень не понравилось. Она долго дулась на персека и помягчала только тогда, когда ещё жёстче оценили заслуги Николоза Дарсадзе. Домовые таблички в проходе его имени однажды какой-то злой шутник испоганил непотребным словом "задний". Не коряво от руки, а под трафарет и обидной голубой краской. Краску отмыли, но слово прижилось в городском просторечии и производными от него грубоватыми синонимами горожане весело называли заводскую проходную на бывшей улице Энтузиастов. Оборудовать её как положено коммунисты так и не успели. Скончалась компартия, потом заагонизировал завод. Горсовет превратился в мэрию. Новая власть не обогличила мучений металлургического страдальца и скорбно сняла шляпу после того, как по проходу Николоза Дарсадзе и проезду Пармена Лория на металлолом отправились последние остатки блюмингов-слябингов.

А закончилась новейшая история появления в нашем городе неожиданных, именных, так сказать, топонимов очень эффектно и поучительно. Когда-то первый секретарь компартии соседней нефтегазовой республики не жалел для нашего большого завода железной руды со своих месторождений. Сын его, став местоблюстителем, а потом и президентом уже независимой страны, предложил нашему городу отблагодарить покойного родителя за прошлое добро красиво и неординарно. Мэрия подумала и согласилась.

Перед облупленным зданием заводоуправления президент страны-соседки разбил чудесный сквер и наиполной мерой отвесил бронзы на памятник родному папаше. Сквер, понятное дело, назвали его именем. В нашем городе никогда не было ни такого памятника, ни такого сквера. Оазис в пустыне! Пинок под зад всем проходам и проездам города. В жаркие летние дни в сквере у фонтана сидит крепко одряхлевший бывший председатель горисполкома Ираклий Мамедалиевич, подолгу любителю бронзовым персеком углеводородной советской республики и думает о том, что в нашем несправедливо устроенном мире справедливость иногда отсвечивает здоровой желтизной, совсем не той, какая всегда лежала на щеках его недужного отца.

Паола УРУШАДЗЕ

* * *

*Не вороши ...там не осталось тайн,-
Сплошной сквозняк!*

*Как на морском вокзале ...
И сколько эти книги ни листай,
Они смолчат. Они - своё - сказали...*

О, не скажи... Недаром Морвокзал
Сверкнул блесной. Он тут не рифмы ради.
Играет музыка. Флажки, как на параде.
Всё от души. Никто не подсказал...
И он нам рад: "Пожалуйста, польщен...
Я тут на днях послал пассатам вызов,
Но передумал, - обойдёмся бризом,
Он тоже тайнами неплохо оснащен.
Но, кроме тайн, в нем что-то есть ещё,
Что неподвластно берегам и визам..."

И пляж уже не кажется миражем -
И вид всё тот же, и веранда та же:
Дошатаый пол. Брезентовый навес.
Тут нам от шторма с вечера депеша,
Прочтём её, взволнуемся, опешим...
Она не спешная, но в ней полно чудес.
Пусть для кого-то это хлам и тина -
Ночной кошмар на утреннем песке,
А нам волной обглоданный ботинок
Уже сказал, где он бывал и с кем...

Смотри, смотри, не отрываясь - в оба,
Она тебе не кажется Ниобой,
Та - одинокая - коряга на скале?
А скалы в море - граждане Кале -
Вот-вот, и двинутся - им море по колено...
А там, вдали... он вырвался из плена,
Когда-то в море канувший корабль.
Он невредим. Его никто не грабил...

Но мы мешаем... Отойдем в сторонку.
Тут дети снова гонятся за крабом,
И краб опять выигрывает гонку
Своим, никем не превзойденным, драпом -
К себе!
В песок!
В шуршащую воронку.
А кто-то тихий уже взял на мушку
Те - к валунам прилиплише - ракушки.
Он в этот миг Али-Баба и Крез.
Он, как и мы, не верит этой чуши:
В таких ракушках не найти жемчужин...
Давай попробуем...
Но времени в обрез.

Нам не увидеть, как сойдут на сушу
Сто лет назад пропавшие матросы,

Мы так их ни о чем и не расспросим,
Они, увы, не нам откроют душу,
Просья взамен - кто ром, кто папиросы.

Что ж, не беда... Попозже наведемся.
Ну, а пока мы просто полистаем
(Хотя он тут и вовсе не причём) -
Тот неожиданный, тот глянцевоый
гостинец -
Журнал, забытый судовым врачом
В одной из старых
Гагринских
Гостиниц...

2013

ПРИРОДЕ

Твое цветение и тлен
Мне были воздухом и пищей.
Зимой, стряхнув меня с колен,
Ты притворялась злой и нищей.
А летом, засияв венцом,
Хватала ласково за уши
И, повернув к себе лицом,
Шептала: "вглядывайся... слушай..."
Не просто холоди и грей,
А заводи меня, как раньше,
Когда в любой моей игре
Была ты первой, капитаншей...
Ты снова без меня легла
И свет тихонько погасила...
А на опушку вышла мгла...
И кулаком мне погрозила...

Елена

ШАХНАЗАРОВА

У ЦЕРКВИ ПЕТУШИНОГО КРИКА

Здесь не бывает слишком поздно.
Здесь небо, патокою звездной,
стекает с кромки куполов.
Всему свой срок. И несерьезно
нам теревить котомку слов.

Что время? Спрессовалось с нами:
кому-то крест, кому-то знамя -
все стает с криком петуха...
Светает. Тот, чье имя "камень",
поймет нас. Он - не без греха.

* * *

Мы будем жить теперь иначе -
как осенью прилично жить.

Смотри: ведь дерево не плачет,
что лист обратно не пришить.
Ему лететь легко и долго,
мы ж затаимся до весны.
Лишь позавидуем иголкам,
вечнозеленым, у сосны.

ТИФЛИС

Фаянса жар, неспешность чашки чая
меняем на пластмассу "кока-колы"...
Восток мой грешный, я уже скучаю -
твоей мятежной крепости осколок.

Ты был непредсказуем, часто - дерзок,
в усмешке пряча каверзу вопросов,
и странный мир зурны, ковров и фресок
был простодушен, как души набросок.

Не заходите в дом, где жило время
под ритм шаири, дробный стук туты...
Евроремонт. И кто теперь поверит,
что пел с рассвета под дудуки ты?

СТОП-КАДР

Апрель. На третьем этаже
старик прилежно моет окна.
И дом - оживший зимний кокон -
расправил крылышки уже.
Здесь жили дед, отец, семья,
теперь - один он. Так бывает.
Он что-то стеклам напевает
и носит воду, семена.
И зайчик солнечный дрожит,
и отраженье невесомо -
он, прежним мальчиком, из дома
бежит, считая этажи...

* * *

"Был день Второй. И потрудился Он..."
Но все сильнее недовольства ропот:
Ты дал огонь - и вспыхнул геином,
Ты создал воды - кончилось потопом...

Я не ропшу. Я знаю, что хотел
Ты совершенства. Только вышло боком,
несовершенных - нас, судить пророкам,
но каждой боли должен быть предел.

И в город грешников судьей я не войду -
грешны, но не изменчивы их лица,
и Город Ангелов навязчиво мне снится,
как Еве - запах яблока в саду...

Тбилисцы

Елена ЧЕРНЯЕВА

* * *

Что ж, это всё так приходит однажды:
ветер, одышка, палёная шерсть,
птицы из Рима и нежность, и жесть,
карлики, монстры, в заплатах одежды,
сны, перелётные голуби дней,
якорь последнего (господи) взгляда,
(если - не да, то, понятно - утрата,
если - никак, то катись поскорей).
Правда откроется, море прольётся,
кто-то кому-то сквозь кровь улыбнётся,
выбьется, вырвется, снова начнётся:
смыслом играя, рифмуя, стыкуя
память и нервы, себя и кого-то,
дерево, птичку, любовь и уroda,
быдло, надежду и хляби без брода.
Так это всё приходило, взыскуя
к жизни, что просто пытаешься жить,
к телу, которое вкривь разлинуют
чёрные вёглы, жестокий уют,
старость и страсть, и опасность, и прыть.

* * *

Снова про дождь. Ничего не поделаеть
с ритмом и шорохом, с блеском и тьмой,
с запахом прели (пребудет со мной),
с телом, которое помнит, что - тело.
С мирным киванием газа на кухне,
с чёрной планшеткой, что карту хранит,
с диском заезженным: o sole mi-
O, как горит он и как он потухнет!
С тем, что всегда и везде, и во всём -
палочкой Коха, микробом - тщета,
с тем, что взметнулось однажды с веслом
лодки, осевшей в брюхе кита.
С вечными темами, с честной нуждой
в слове, которое будто бы - власть.
С тем, что живым не даётся покой,
с тем, что бесплодна никчёмная страсть.
Так переборщиком в лавке утиля
вещи тасуя, приходишь к нулю:
дождь, освещенье, асфальт, дежавю,
срок истекает, живём на краю...,
вместо - люблю тебя, вместо - любила...

* * *

Вникни, здесь не бывает песочных часов,
потому что не хватает песка на всех,
не бывает искренних голосов:
голоса гарантируют общий успех.
Можно спать, можно,
проснувшись, решить,
что тебе важно: разведка? Бой?
А потом остаться в квартире и жить

пока не поймёшь, что уже седой.
Вникни, это зовётся здесь - жизнь,
хотя, если хватит её мне на пару строк,
я всмотрюсь туда, где твоя отчизна,
но про это ты сам всё знаешь, Бог.

Вахтанг БУАЧИДЗЕ

ДЕНЬ ЗНАНИЙ

Какая разница, на две недели позже,
На три недели раньше ли начнём,
Или вообще оставим на потом
Занятия признательным письмом
И каллиграфию любви

к нему примножим.

Уроки посвящения в науку
Любить и верить братьям во Христе
Идут с тех пор, как сон пришёлся в руку,
А руки на невидимом кресте
Уже почти друг с дружкой сомкнулись -
Не рассоединить, не разорвать,
Хотя из прошлого дорогу гатью гнать
В сейчас - что на ионике играть:
И звук не тот, и жилы даром вздулись.
Кормись скоромным. Только не жирей.
Жир обложной усваивает туго
И контур твой, и колебанья друга,
И недруги окажутся живей,
Проворнее, чем все обиды наши
На незаметных, преданных людей.
Не старься, жизнь! Но и не молодей,
Живи в необратимости своей,
И даже если вырастем умней,
Мы никогда тебя не станем старше.

ТРУБА ДЖЕЛЬСОМИНЫ

Она никого за собой не зовёт,
А просто приникла
к губам Джельсомины
И вольно гнездо одиночеству вьёт
То плачем ребёнка, то криком совиным.
Семье не нужны запасные слова,
А если придётся, то их для обмана
Наплачет дитя, нахохочет сова.
Глядишь - зарубцуется старая рана.
И снова спадёт с одиночества фрак,
Труба разовьёт музыкальную тему:
Прожил бессистемно жизнь
с дурой дурак,
Но так и не принял дурную систему.
И дура во всём помогла дураку,
Как только способна помочь
Джельсомина.

Они на прижизненном этом веку
В неэтом протиснулись без карантина.
Труба оттрубила. А завтра - антре.
Ваш выход, ребята! Отставлены дроги.
Окончилась жизнь
в разноцветном шатре,
Но нет завершенья у новой дороги...

В ДРУГОМ КОБУЛЕТИ

Купались мы с тобой
в дождливом лете,
К ж/д вокзалу подбираясь вплавь.
Субтропкурортлагзона Кобулету,
Свой резкий вклад
в мою судьбу восславь.
Магнолия вблизи рододендрона
Струила непонятный аромат, -
Как только, может быть, во время оно,
Когда ты - Бог, и чёрт тебе не брат.
В крутую историческую пору
С пинг-понгом чередуя дань молве,
Давал отцу я маленькую фору
И пропадал в пучинной синеве.
И выплывал, отцовской чести вторя,
Чуть впереди, ещё не зная, как
В концзаводь обратится это море,
И дом прибрежный -
в лагерный барак.
В пресс-хату превратится Сакартвело,
Вся жизнь моя -
в сплошной аттракцион,
Где даже "booster" из Цицинателы
От истинного риска отстранён.
Страна не приняла моей опеки...
Но устыдились жалкой наготы
Большие наши политчеловеки
И начали сводить свои понты
И счёты с беззащитным Кобулету,
Не отстоявшим свой Шервудский лес -
В нём Робина секли царёвой плетью
Опричники от шайки спецповес.
А спецбойцы от шайки лесостругов
На память о шервудских дедях мне
Оставили единственный в округе
Пирамидальный тополёк в окне.
Не кончилось моё сквозное действо -
По Станиславскому -
приморским сквозняком...
Шервудский тополь
в кобулетском детстве,
Ты был всегда мне верным маяком.
Ты вскормишь поросль.
Облесятся вскоре
И разрастутся горы до небес.
За мной должок.
И кобулетским морем
Я вновь уйду в родной
Шервудский лес.

**Сусанна АРМЕНЯН
Александр КАРАБЕГОВ**

БУРИДАНОВ НАРЦИСС

Небольшая комната. На одной стене, на расстоянии двух-трех метров друг от друга, висят два больших зеркала. Входит Нарцисс, смотрит. К 1-му Зеркалу.

Нарцисс: (кокетливо) Ну, что скажешь?

1-е Зеркало: А что тут, собственно, можно сказать?

Нарцисс: (слегка растерявшись) Да как обычно... Ну, что я прекрасен, там... Что неповторим!

1-е Зеркало: Ну ладно, ты неповторим. А больше говорить, собственно, нечего. Слов нет.

Нарцисс: Не верю.

1-е Зеркало: И правильно - не верь! Что есть правда?

Фантом. Иногда даже в опере.

Нарцисс: (несколько секунд обдумывает реплику 1-го Зеркала, потом не очень уверенно произносит) Я ведь за себя могу и в морду дать!

1-е Зеркало: Бей, но выслушай!

Нарцисс: Я внимательно слушаю.

1-е Зеркало: Бить-то ты будешь за себя, но в то же время фактически себя. То есть, ты попадешь по своему отражению во мне.

Нарцисс: Нет, нет! Только не это!

2-е Зеркало: Бьет, значит любит!

Нарцисс: А это еще... Кто принес это сюда?

1-е Зеркало: Отвечай, когда спрашивают. Кто тебя принес?

2-е Зеркало: Какая разница?

1-е Зеркало: Не хочешь отвечать? Или не знаешь?

2-е Зеркало: А какая разница? И вообще, мне кажется, что я тут просто необходимо.

1-е Зеркало: Да ну!

2-е Зеркало: Да-да! Я симпатичнее!

1-е Зеркало: Один Нарцисс у нас уже есть.

2-е Зеркало: Я имею в виду, что я отражаю симпатичнее.

Нарцисс: Интересно... Надо проверить.

1-е Зеркало: (с нотками паники) Мы одинаково отражаем. Не ходи туда!

Нарцисс: Почему? А вдруг я там, правда, симпатичнее отражаюсь? (подходит ко второму зеркалу, долго смотрит в него).

1-е Зеркало: Ну, как? (язвительно) Потерял дар речи?

Поражен до глубин души?

Нарцисс: Я... да... я поражен... Ведь тут я так же прекрасен, как и там! (перебегает к первому зеркалу). И здесь я прекрасен... И там... И тут... Оба меня прекрасны!

1-е Зеркало: Н-да. С провозглашением неповторимости мы поторопились...

2-е Зеркало: Разве я не более утонченно передаю твоё совершенство? Разве не более совершенно передаю твою утонченность?

Нарцисс: (обращается к своим отражениям) Я так прекрасен! И этот "я" тоже... Мы оба для меня прекрасны одинаково... Я в тупике. Кого же мне выбрать?

1-е Зеркало: Бедный Нарцисс. Он разрывается между двумя зеркалами.

2-е Зеркало: Буриданов Нарцисс.

1-е Зеркало: Для тебя нет ничего святого!

2-е Зеркало: (мечтательно) Интересно, как в психиатрии называется раздвоение культа личности?

1-е Зеркало: Я говорю - для тебя нет ничего святого?

2-е Зеркало: (тем же тоном) А раздвоение культа собственной личности?..

Нарцисс: Я люблю тебя.. (чуть не плачет) Нет, тебя! (переходит от зеркала к зеркалу)... Или тебя? А может...

1-е Зеркало: (кричит) А я говорю: для тебя, что, нет ничего святого?!

2-е Зеркало: Есть, есть... Семья. Любовь. Кстати, мы наблюдаем любовный треугольник - Нарцисс, его отражение и его второе отражение.

1-е Зеркало: Он любит их обоих. Какая трагедия!

2-е Зеркало: И они оба отвечают ему взаимностью. Ты думаешь, это трагедия?

Нарцисс: Это выше моих сил! Так не может дальше продолжаться! И... и я устал бегать тут...

1-е Зеркало: Видишь, что ты надделало? Как спокойно упивался он любовью к самому себе, когда отражение было только одно. Все-таки, кто же тебя сюда принес?

2-е Зеркало: Не знаю я... Может, Буридан?

1-е Зеркало: Или его осел.

2-е Зеркало: Представляю, какой припадок случился бы с ним перед... (хмыкает) перед трюмо!

1-е Зеркало: Циник!

2-е Зеркало: ...Или в комнате кривых... (внезапно замолкает).

Что ты, что ты... (испуганно) Нарциссушка, я же пошутил! Не выноси меня!

1-е Зеркало: Ага! (злорадно) Дошутился!

Нарцисс: (второму зеркалу) Я тебя не выношу!

2-е Зеркало: Как же не выносишь? А за раму зачем взялся?

Нарцисс: Я тебя просто переносу. (переносит второе зеркало и вешает его напротив первого) Ну, так-то лучше. Я вижу себя сразу и в том, и в том зеркале. То есть, смотрю в одно, а вижу оба отражения... И первое, и второе, и... (вглядывается внимательнее) И третье... И четвертое...

1-е Зеркало: Мне это не нравится. Очень.

2-е Зеркало: Кому понравится отражать чужое отражение!

1-е Зеркало: Копия копии... Это уже не Буриданов Нарцисс, а Бодрийеров!

2-е Зеркало: Нарцисс, а Нарцисс! Может, перевесишь меня обратно?

Нарцисс: (смотрит в первое зеркало) Меня много! (смотрит во второе зеркало) Меня бесконечно много. Я теряю себя в себе... Я люблю вас всех! То есть себя всех!..

1-е Зеркало: Он любит себя всех! Это катастрофа.

2-е Зеркало: Не-а, это скачок прогресса. Или скачок эволюции.

1-е Зеркало: То есть?

2-е Зеркало: Мы только что доказали, что любовь есть величина бесконечная и что она распространяется со скоростью света.

1-е Зеркало: Куда распространяется?

2-е Зеркало: В обе стороны.

Нарцисс: Я бесконечно люблю себя! Я бесконечно люблю себя! (повторяет это, пока не опускается занавес).

З а н а в е с .

С грузинского

Гиви АЛХАЗИШВИЛИ

* * *

Здесь травы быстро растут.
- Покой их питает,
вызывает из тишины,
цветут они в бесконечном молчании
и невольно себя выдают -
подобно только что вылупившимся
горластым птенцам,
возглашающим - жизнь здесь трепещет..
Смерть порождает молчание
для слов особо звучащих,
пока еще гудящих, будто пчелиный рой,
собирающий горчайший нектар
с пестрых кладбищенских цветов.

* * *

Смирись, смирись с уделом -
пути другого нет: смирись, смирись,
своим смиреньем ты в скорлупу
смиренья заключен.

Смирись, смирись,
Какое-то из мгновений
без тебя мелькнет:
без тебя,
без меня,
без нас пройдет мгновенье.

Смирись, пока еще осталось
время для смиренья,
и ты познаешь время, ты станешь им -
станешь проповедником
безнадежного смиренья.

Пока ладонями прикрыт твой взор,
хрустальными ладонями,
- тебя пугает твой
пронизывающий взгляд,
или, возможно, хрустала мираж,
из двух - одно на самом деле верно,
второе - неизменно неизвестно,
таинственно, но столь реальны -
прозрачные ладони из стекла,
глаза ты ими больше не прикроешь,
боишься за себя, боишься ты

увидеть то,
чего принять не в силах - и потому
смирись, смирись...

С пушинкой одуванчика сравни -
счастье,
и потому с мгновением смирись,
смирись с мгновением,
что каждый миг все ближе...

Перевод Ады Джилавдаровой

* * *

Ушёл ото всех,
Так породнился с собой,
Что медленно превратился в остров,
который волны океана уменьшают.

Только глаз и остался,
Что смотрит в себя,
Где все,
по кому я скучаю.

Ставшие такими же островами
Тянутся ближе
К берегу, где бесконечная тишина,
Где Бог писал на песке слова и затем
стирал их...

И, наверное, все наши движения
Следуют тем словам,
Что Он писал и стирал.

Перевод Сергея Горлюкова

* * *

Здесь есть всё и вся!
Но нет никого!
Невольное движение руки
Под диктовку памяти,-
Это беззвучный синоним слова.
Оканемевший кадр,
Где светится только улыбка ребенка,
Толчок - и вновь повторение круга.

Все повторяется, но по-другому,
И лишь результат - одинаков.
И незачем думать об этом.

Наконец-то я взял себя в руки
И стал похож на терновый венец,
Который достался тебе,
Покуда ты осилил дорогу к Голгофе.

Не знаю, кто пожирает плоды греха,
Кто полон безмерной благодати,
Но яблоко с красной улыбкой своей -
Нередко пристанище червя.

Перевод Натальи Хнюкян

Тамаз БАДЗАГУА

* * *

Чужда солдатам красота луны и звёзд.
Они, в духоте казармы,
Лобзают мысль о хлебе,
Пытаясь заслонить
Убитых лица
Под сенью беспокойных снов,
Но гаснут картинки от плотной тишины,

Точно звёздочки.
В духоте казармы,
Под гнетом встревоженных снов
Солдаты сбрасывают тяжёлые,
как земля, шинели,
Разжигая мысли об огне и водке -
так теплее.

За горизонтом их сердец садится боль,
Как солнца красного шар.
А на пальцах сверкает горький
табачный дым...

Солдаты во сне
Гневно сквернословят и дёргаются
За завесой видений.
А у их ног,
Подобно уставшей, верной жене,
тихо ложатся сапоги и километры.

* * *

Уж как давно, увы, не навещал меня
восторг.
Уж так давно не нахожу я
искр радости

на стенках сердца.
И нечем соскresti
уединение,
колебание,
немую осторожность.
Душа закралась внутрь себя.
И нечто плачет в полой внутренности,
а цедра звёзд тускнеет -
лишь в недрах их мелькает свет.
И наш последний поцелуй выпал
до первого снега -
синхронный узор наших следов
больше не осчастливит снежные покровы.

* * *

Оглушительен всплеск листа
на льду, и даже
Прозрачный туман замечает, как я,
Расстрелянный лязгом, разлагаюсь.
Звук распарывает врата и внедряется
В чешую железной решётки,
И цепляется за тот же слепой туман.
Нечто грузное застыло

меж крайностями меня.
Кипящее семя Диониса залило прошлое,
А многоточие зимы сковало время,
И я просыпаюсь за деревьями,
Послушно замёрзшими во время сна.
Нечто грузное застыло

меж крайностями меня
Как между корней и макушкой -
превеликая земля.
Пахнет гнилью проквашенное время
И бьет крылами
Под моим поседевшим сердцем.

Перевод Анны Сафаровой

* * *

Говори тихо, тихо говори
И к весеннему утешительному веянию слух обрати.
Говори о хлебе, о зрелых колосьях, о том, как в ночи,
Будто звезда, раскрывается красная роза.
Говори о травах, чтоб с их задумчивым
Шелестом затаилось дыхание,
Как сиянье луны на могиле ветреной ночью.
Говори о небе, птицах, дружбе, детях, погоде.
Говори о том, как состарилась перед домом твоим
высокая липа,
Как роняла ветви она с каждым приходом осени.
Говори тихо, говори тихо,
И пронесутся уста твои над печальной равниной
утрат и забвения.

Перевод Николая Ломидзе

Шота ИАТАШВИЛИ

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

Скончался... Что с того? Подумаешь, умер... Обычное дело.
И дереву суждено засохнуть, и кувшину - разбиться...
Всеми положен свой срок: и звездам, в агонии взрыва,
и собакам, протягивающим костлявые ноги...
Любил... Что с того? Подумаешь!.. Или же
как не смеяться - до судорог, до удушья, -
над этим нелепым и обветшалым словом?
Скажите еще, что он страдал - такие, мол, слухи ходили...
Нет. Не годится... Лучше простыми словами:
Так, мол, и так, слышали? - беднягу сбила машина,
когда он по улице брел, в раздумья свои погруженный...
О чем? Да вот, решал - назвать ему сборник стихов
"Крыльями смерти" - или все же как-то иначе...
Давайте скажем,
что не услышал он тормозов смертельного визга.
Скажем:
книгу, что вылетела из рук его в момент удара,
припечатало
к асфальту...
Узор из грязи пришелся как раз на название -
"Искусство любви".
Добавим, точности ради:
Эту книгу пятью минутами раньше продал ему букинист, -
он тут всегда торгует, вон прилавок на тротуаре...
Можно сказать
и о содержимом карманов.
Допустим, следующее:
пачка "Полета" (а в ней - 17 сигарет),
билет на "Риголетто" (оперный театр, 31 декабря),
мятый рубль и монетка в 15 копеек.
Особо отметим:

Он был одет в куртку зеленого цвета,
с дырой на рукаве...
Из карманов изъято:
записная книжка (одна),
ручка (одна),
мятый платок,
сложенный лист бумаги,
исписанный корявым почерком...

"Петрушка - 2 пучка,
Реган - 1 пучок,
Картошка - 3 кг.,
Лук - 1 кг.,
Кетино - 22 27 39" -

вот что гласила одна сторона листка,
а на обороте:

"На груди твоей пригрелись мои руки,
А теперь они опять заledenели...
Унесу я их в отверстую могилу
И сложу у раскаленной адской печки..."

Все это неразборчиво и несколько раз перечеркнуто.
Там же:
неумелой рукой нарисован веселый плешивый дядька
с большим носом...

Ну, кажется, все...
Да, чуть не забыл: бальзамировку делал Артюш,
могилу вырыли Коля, Мурман и Жора...
А мать, с плачем выворачивая его карманы
(к тому времени он был уже переодет
в лучший/единственный - для дней рождений и театров -
костюм),

сделала горькое открытие:
"Сынок-то курил, а от меня вот скрывал..."

Некролог опубликовали в газете -
в номере от 28 числа, -
Для панихиды выбрали музыку:
Шопен, Моцарт, Бетховен, Палиашвили...
Похороны состоялись 31-го, в пятнадцать тридцать...
Поминать покойного остались 120 человек.
(Икра на столе была только красная, черной - не достали...).
И эти 120 ушли так поспешно,
едва соблюдая приличия...
Ну да, дома их ждало
совсем другое застолье:
гозинаки, чурчелы, шампанское и все такое...
Очень некстати был этот покойник
в новогоднюю ночь.
Некстати был
этот покойник.

Перевод Сусанны Арменян

Павла ПЛАТОНОВА (Болгария)

Дождь идет круглосуточно, в этом скрывается какая-то великая тайна.
Я слушаю, я дышу.

РАЗГОВОР

....

- ну, не знаю, мне всегда грустно, когда я задумываюсь о времени.

Когда я начинаю понимать, что прошлое вообще-то далеко. Оно так далеко! Даже вчера. даже вот это вчера уже, как через вселенную, понимаешь?

- Немного.

- Хотя это и очень сладко. Так сладко, когда ты можешь кому-то сказать: "А помнишь?.." или что-то в этом роде, и услышать: "Точно-точно..."

Ага! - Что-то такое в голове, ага-а-а, так всё-таки, всё-таки всё это где-то ещё существует! Иногда, как воздух в воздушном шарике делает его больше, так воспоминания раздувают время, ну, вот то, которое сейчас, оно становится таким большим и невероятным...!

...Так никогда не будет больше, не будет этого пойманного времени. Чуть-чуть почувствовать осенние, еще тёплые, лучи солнца. Воздух где-то далеко.

Ну, это же просто моё время, моё, оно никак не может быть где-то ещё и таким же ещё. Это, как и всё другое, что есть везде. Ну, я же ..я же не говорю: не рассказывай мне о том, что происходило где-то там, только из-за того, что это чужое и не со мной, и меня в нём нет, не будет... ммм...

...Есть такое особенное время в течение дня, где-то в промежутке между днём и вечером, но скорей, ближе к вечеру... ну, оно ощутимей всё-таки - когда есть солнце, тени длинные, а солнце чуть-чуть всё-таки тёплое, а у людей на лицах этот особенный свет и интересные тени, что-то особенное появляется в каждом, обязательно. И в такое время, если ещё рядом есть деревья, они тоже все выглядят особенно, и листья, если они есть ещё, тоже, как эти лица людей, начинают становиться особенными - каждый. Все эти неисчислимы листья, лица и всё это время. Время, которое до, и время, что после, тоже абсолютно не исчислимое, непонятное и не важное. И если дунет ветер... если он дунет, то..!

...

- А куда ты смотришь?

- Я смотрю в небо..

ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Это моя жизнь. Я к ней привыкла. Конечно, у нее куча недостатков, они же и достоинства, наверно. Хотя, кто может об этом судить? Я не берусь, это - слишком высоко карабкаться, чтобы всё равно не разгадать тайны вообще бытия. Каким-то образом, я именно здесь и сейчас. Я вернулась с другой планеты. Здесь оказалась весна. И ещё зарядили дожди. И ещё - все деревья салатные. Это прекрасно! Я помню многое, и многое ещё возвращается ко мне. Я многое разучилась понимать и делать, но я всё ещё рада видеть в толпе светлые лица, детей и животных.

ЛИЦА

Доброжелательные лица. Эти приятные лица встречаются и хочется с ними дружить, знать их, знать их мам и пап, знать историю их жизни, хочется с ними пить чай на кухне, слушать музыку и есть печенье. Хочется ходить в гости, смотреть их фотографии, гладить их собак или кошек, или дразнить попугаев. У них белые занавески и особенный запах дома....Я почему-то очень скучаю, я скучаю по чему-то очень важному в нас, в времени...

ТИШИНА

Я бы попыталась, но у меня так перехватывает дыхание, я сразу покрываюсь мурашками, и в глазах все блестит. Так вдруг в какой-то момент перестаёшь себя контролировать, и кажется, что улетишь. Кажется, не сможешь больше ни секундочки быть здесь сейчас,

кажется, что если очень-очень зажмуриться, то пропадет и звук, и свет, и тогда можно выдохнуть, тогда можно успокоиться. И тогда это и подумаешь, и есть то ничего. То спокойное, плотное и ровное ничего.

Я много чего не люблю. Я не люблю громкие голоса, мне от них плохо, чужие громкие голоса, или некрасивые громкие голоса... Я не люблю их, не люблю, когда этими голосами ругаются или спорят, или доказывают какую-то громкую глупость. Я не люблю под них просыпаться или слышать их за дверью, или сидеть где-то поблизости от них, в транспорте или на улице. Громкие-громкие, настойчивые голоса. И мне бы научиться выключать звук!

И тишины очень мало, очень мало...

Я скучаю по ней!

ТЫ

Наверное, когда ты скажешь тихо: "Всё"... я тогда же умру. Так же тихо и выйдет из меня последнее дыхание. Наверное, когда ты будешь рядом, после этой чертовой разлуки, которая меня убивает, убивает, убивает, когда ты будешь рядом, я буду лить слёзы, буду лить их и буду лить их потому, что они будут. Будут на подушках, на тебе, на мне, на земле, на солнце, в окне, они будут сами по себе. Наверное, тогда я смогу уснуть, тогда смогу по-настоящему уснуть... зная, что ты уже рядом... наверняка это зная, тогда я смогу уснуть. Наверное, я знаю, я знаю, что больше, сильнее для тебя живу, наверно, я это знаю... и пусть... я знаю и пусть!

Когда дотронусь, когда дотронусь самый первый раз, после того, как расстояние это испарится, я дотронусь до тебя и сразу-сразу стану сильной опять, как никогда.

Я сильная, а ты - для меня, а ты - мой, пока не скажешь: "Всё". Наверное, до этого еще много тысяч лет. Ах, как мне мало!

Ян БРУШТЕЙН

* * *

Елене из Тбилиси

В подвале, там, на Руставели,
Где меньше пили, больше пели,
Где я простуженно сипел,
Ираклий к дамам крался барсом,
И Заза неподкупным басом,
Как сами горы, мрачно пел.
Вода со вкусом земляники,
На стенах сомкнутые лики
Людей, зверей и вечных лун...
Дато был сед, а Важа - юн.
И шашлыки нам нес Левани,
Мераб с Нодаром наливали
И выпевали каждый тост!
Алаверды от Амирани -
Мы пели, словно умирали.
Шота был строен, Цотне - толст...

Но видел я в дверную щелку:
Варилось время, как сгущенка,
И там, на дальнем рубеже,
Железный век спешил к закату,
И эти чудные ребята
Вошли в историю уже.
Но если ночь моя бессонна,
То вспомню я Виссариона,
Тенгиза, Джабу и Беко...
И отпадет с души короста,
И уходить мне будет просто,
И жить по-прежнему легко.

Наталья ГЕНИНА

Из цикла **ТБИЛИССКОЙ ОСЕНЬЮ...**

* * *

Где-то счастья вечная подкова
все стучит по пыльным мостовым,
где-то лебединый кроткий дым
в небе дышит и не знает крова.
Где-то с гор срывается река.
где-то мысль живет еще пока
горяча и ко всему готова.
Впереди еще века, века...
Будто кол стоит в земле строка
в этот год, до рождества Христова.

Александр КОЧЕТКОВ

Из "Грузинских элегий"

* * *

Проходит день своей дорогой,
И солнце не смежает век.

Как белый тур тяжелорогий,
Над горной далью встал Казбек.

А мне орфическая лира
Звенит, звенит издалека:
Она, как день последний мира,
И светозарна, и горька!

* * *

Громады гор, одетые в леса,
Заснули. Под откосом - полоса
Луны дрожит в быстробегущей

Мтквари.

Бьет полночь. При двенадцатом ударе
На холм кладбищенский спустилась
тишина.

Лишь музыка сверчков кругом слышна,
Вздыхнет струна и стихнет, замирая,
Но тотчас отзовется ей вторая -
Как будто тысяча воздушных рук
Ткет трепетный, протяжно-слитный звук.
Здесь, позабыв урочище людское,
Земля застыла в дреме и покое,
Здесь отдыхает грудь, полудыша...
Но где же ты теперь, моя душа,
Безудержная, юная, слепая?
Как пела ты, над пропастью ступая!
Как жаждала любить иль умереть!
Тебя уж нет, ты не вернешься впредь...
Тебя уж нет, но к тени быстролетной
Еще тянусь я памятью бесплотной,
А ночь, касаясь утомленных век,
Любовно шепчет мне, что жизнь
ушла навек.

И невозможно и неправильно:
Легко дается лишь чужое,
А если кровное, родимое,
Небось, гугнит язык тяжелый
Угрюмое да нелюдимое.
Когда решен апрель на небе,
И, сброшюрованные кипами,
Самгори, Глдани и Багеби
Тасуются стереотипами,
Тогда - бумага на подвертки
Про дело милое авгурово,
И - продавать тархун в ведерке
На Барнова, на Хетагурова.

Владимир ЛЕОНОВИЧ

СВЕТИЦХОВЕЛИ

И это - клин,
который длинн
и оттого певуч,
который в небесах плывуч,
как старый цеппелин.
И клинопись моя стара,
летуча и легка,
и восьмиклинные шатра
светла одна рука.
Там узко устье, тесен свет,
в который я влюблен,
которым во мгновенье лет
я был испепелен.

ДЖВАРИ

Я вижу, как течёт песчаник,
от крепости своей устав,
где тот мятежник и печальник
суровый выполнял устав.
Я поднимаюсь по ступеням
и в клетке каменной стою,
объятый холодом, терпеньем
и переживший жизнь мою.
Закопчены глухие ниши.
Здесь перед образом не зря
склонялся гибкий мальчик ниже
всей братии монастыря...
Он не хотел, чтоб город грешный
его молитвой был храним.
За наш визит - пустой, поспешный
мне как-то совестно пред ним.
Сидит на выступе высоком,

*МТКВАРДАЛЕУЛИ - испивший из вод
Куры, по аналогии с термином "тергдалеули"
- испивший из вод Терка - т. е., грузин,
побывавший по ту сторону Кавказского
хребта и, шире, приобщившийся к культуре
русского европеизма. "Мтквардалеули" для
нас - русский поэт, в жизни и творчестве ко-
торого Грузия оставила заметный след.

оцепенев при свете дня,
моя сова - и водит оком
и слышит теплого меня.
И что я - в темном и убогом
воображении её?
Я только слово перед богом:
спаси и сохрани её.

Герман ПЛИСЕЦКИЙ

ГРУЗИЯ

Отару Чиладзе

О, Грузия! Ты - не душа ли?
Высокий край душистых трав!
Поэты русские дышали,
к тебе, как к форточке, припав.

Коснувшаяся поднебесья,
с ног не стряхнувшая земли,
ты - наша мера равновесья,
достичь которой не смогли.

Когда я думаю о Боге,
создавшем Землю за шесть дней,
хребтов пологие отроги
синют в памяти моей.

Я славлю трудную победу
Титана, Мастера, Вола!
Мы все - зеленые побеги
вокруг единого ствола.

Мы дорастем до тех нагорий,
до той альпийской высоты,
где утихают боль и горе,
где только небо и цветы...

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

* * *

За моим окном тбилисский двор.
Их, похожих, в Сололаках много.
Жизнь течет прекрасно и убого:
смех и плач, и пение, и ор.

Вот уже который век подряд
на елико мыслимом наречье,
думая, что правду говорят,
причитают чада человечья.

Ну, а там, где пенне щеглов,
правду говорят уже без слов
те, кто раньше вырвались из клеток...
Там, отодвигая провода,
среди отцветших и цветущих веток
небо приручает птичьих деток.
Как сегодня хочется туда!

* * *

Как будто это все со мной:
ночная вечная дорога
не из дому и не домой,
а так, враскачь, по круговой.
Что ж, привыкаю понемногу,
как будто это все со мной.
Как будто это все со мной:
знакомый голос за стеной,
в ночи горит звезда убого.
Звезда и голос, и дорога,
как будто это все со мной.
Как будто это все со мной:
декабрь, перрон, рассвет и слякоть,
и расставань страх сквозной.
О, Господи, зачем же плакать,
как будто это все со мной.
Как будто это все со мной:
дождь бесконечный, обложной,
и жизнь пронзительная - в теле
засела пулей разрывной.
Ну, что же плакать, в самом деле,
как будто это все со мной.
Как будто это все со мной:
однажды я глаза раскрою,
и свет нахлынет проливной,
как будто это все со мной...
Но все воистину со мной.

Арсений ТАРКОВСКИЙ

* * *

Ты, что бабочкой черной и белой
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жилье,
Не колдуй надо мною, не делай
Горше горькое сердце мое.
Чернота, окрыленная светом,
Та же черная верность обетом
И платок, ниспадающий с плеч.
А еще в трепетании этом
Тот же яд и грузинская речь.

ДОЖДЬ В ТБИЛИСИ

Мне твой город нерусский
Все еще незнаком -
Клен под мелким дождем,
Переулочек твой узкий,

Под холодным дождем
Слишком яркие фары,
Бесприютные пары
В переулочке твоём,

По крутым тротуарам
Бесконечный подъем,

Затерялся твой дом
В этом городе старом.

Бесконечный подъем,
Бесконечные спуски,
Разговор не по-русски
У меня за плечом.

Сеет дождь из тумана,
Капли падают с крыш.
Ты, наверное, спишь,
В белом спишь, Кетевана?

В переулочке твоём
В этот час непогожий
Я - случайный прохожий
Под холодным дождем,

В этот час непогожий,
В час, покорный судьбе,
На тоску по тебе
Чем-то странно похожий.

Галина УМЫВАКИНА

* * *

Странноприимный - город:
бродяга, домосед, -
где каждый первый молод
и каждый первый сед;
где двери нараспашку
(Гляди, коль хватит глаз!)
но где в слезах рубашку
не кажут напоказ.
Где мне явилась милость
дорог, домов, дворов
и сердце заходило
от щедрости даров;
где, поднимаясь в гору
и глядя с высоты, -
я узнавала город,
как милого черты.
Куда - скорей, скорее! -
у жизни на виду
открытой галереей,
как памятью, иду.

* * *

На древней, мощно вздыбленной земле,
поднявшись к Джвари по крутому тракту,
я вдруг пойму: придет пора и мне
с любовью примириться, как с утратой.
Но только ждать еще осталось сколь,
и чем измерить лучше примиренье:
российскою вольготною тоской,
грузинским ли тугим сердцебиеньем?

**Гагик ТЕЙМУРАЗЯН "Царь".
Тбилиси. 2008**

"Царь" Гагика Теймуразяна - сингл, не характерное (насколько я могу судить) явление для местной русскоязычной самоиздаваемой литературы. Наши авторы обычно предпочитают формат "сборника стихов", этакого "тематического альбома", если продолжать линию музыкальной терминологии. Произведение (на первый взгляд - поэма, написанная, на первый взгляд, верлибром, укладываемым, на первый взгляд, в строфы из четырех строк), целиком занимающее всю книжку, уже может заинтересовать. Тем не менее, впечатление целостности разрушается самим автором уже на обложке, пояснением, поставленным под названием - "чередa картинок".

И это как нельзя лучше дает представление о том, что ожидает читателя с первой... нет, скорее, со второй строфы - и так вплоть до 200-й (все четверостишия пронумерованы, то ли для придания поэме привкуса средневекового эпоса, то ли для удобства навигации, то ли для того и другого вместе).

Сюжет кажется несложным - в строфе I предполагается существование царя ("В недавнем прошлом - так говорил мне вкрадчивый голос.... жил беспечальный царь, не имевший..."), а в последующих 199 строфах, начинающихся неизменно с отрицания "ни", перечисляется все то, чего у этого царя не было. А не было у него много чего: ни каллиграфа, ни выхода к морю, ни сыновей с дочерьми, ни короны, ни автопортрета...

Читатель, увлекшись игрой, не сразу замечает довольно парадоксальный эффект - отрицаемое выглядит реальнее (и описывается достовернее), чем бедняга царь, упомянутый лишь единожды и по мере перечисления того, чего у него не было, все больше отходящий в небытие.

Каждый "пункт" бесконечного перечисления - это непохожая на остальные красочная гравюра. Даже не гравюра - а коллаж из кусочков, вырезанных из различных гравюр беспощадными ножницами и сложенных в неожиданные сочетания, приобретающий при этом глубокую и обманчивую перспективу. В хитрый ребус-орнамент (иной раз содержащий иллюзию почище "несуществующих фигур", известных в геометрии) удивительно сплетаются детали и скрытые смыслы, оставляя привкус восточной мудрости, сказочной вседозволенности, легкой игры интеллекта и резонирующего подсознания. Картины возникают темные, как полотна средневековых мастеров, отсвечивающие таким абсурдом.

Сказочные мотивы настолько задокументированы, что теряют сказочную условность и приобретают плоть, кровь, чуть ли не запах. Возникают загадочные пруссаки, спрятанные в шарманках ядерные бомбы, больные лунатизмом уссурийские тигры, фольклорные женские ансамбли, несговорчивые лесорубы... Хрустальные вазы, ажурные балдахины, сердобольные каштаны, лютики в гербарии, - как и положено в сказке, думают, чувствуют, видят сны и делают заявления. Некоторые отрицаемые предметы, существа, явления и характеристики наделяются такой конкретизацией, что никакому определенному артиклю и не снилось: у царя не было не просто мудреца, а того самого мудреца, который что-то там подсчитал! Иногда просто выскакивают какие-то частные случаи существования того, чего у царя не было - например, поэт-авангардист, стоявший на вполне определенном стуле и погля-

дывающий искоса на вполне определенный портрет. Библейские, исторические, философские мотивы обыгрываются, интерпретируются и превращаются в нерешаемые загадки, несмешные анекдоты и небывалые аксиомы.

В конце концов, подавленный детальностью абсурдных логических цепочек, живописным жонглированием смыслами и намеками, этаких обманчивых значков-сносок, отсылающих к несуществующим комментариям, - читатель задается вопросом: а был ли царь?

Может, как раз самого царя и не было, а было только то, что в 199-ти строфах следует за частичкой "ни"? Ведь, если приглядеться внимательнее, при первом же упоминании царя автор тут же выражает сомнение в самом его существовании ("...за правдивость услышанного не ручаюсь"). Но к царю ли это относится - или к последующему перечислению?..

А вот еще в строфе 176 мы читаем про царя: "визитеры... осмелившиеся говорить ему, что он существует только в их воображении". Каково? Уже не только автор, а посторонние персонажи высказывают сомнения!

С другой стороны, отрицания в некоторых случаях приводятся как утверждения - т.е. образ царя, разрезанный уже упоминавшимися выше ножницами на мелкие кусочки, возникает то там, то тут в виде вполне конкретных деталей: "ухоженной бороды", "узкого шрама на левой щеке", "третьего глаза" и т.д. Строго говоря, если подходить математически, тут возможны, как минимум, четыре варианта:

1. Был - царь, не было - всего того, чего у него не было.
2. Не было - царя; а то, чего у него не было - как раз-таки и было.
3. Не было ни царя, ни того, чего у него не было.
4. Был и царь, и то, чего у него не было.

В случае, если не было ни того, ни другого (вариант 3), можно предположить, что был лишь "вкрадчивый голос" - и внимающий ему автор...

А раздеваемый и обкрадываемый царь так и не подает голоса в свою защиту...

Зато автор то и дело вворачивает в некоторые спиральки-сюжетки, в эти обломки невнятных притч и басен без морали, - свои Явления (Присутствия): "Я тебе потом его нарисую" (речь идет о "таракане из каменоломен"), а также "Не верь", "по моему мнению", "по моим достоверным сведениям". Автор вставляет непринужденные замечания - например, про "...мастеров раннего Средневековья, с которыми меня связывают дружеские взаимоотношения". Иной раз он иронизирует настолько серьезно, что хочется ему верить.

"Царь" - произведение неоконченное, и не окончено оно по воле автора, как тот сам не раз заявлял (если не шутил), читая "Царя" публично.

Действительно, даже пунктуация этот принцип поддерживает - последнее четверостишие (200-е) скромно заканчивается запятой. Хотя, возможно, мы наблюдаем плоды невероятных усилий корректора. Их, плодов, в книге немало. Но если "жигало", "прусок", "закаулки", "дирежаблестроитель", "каллиграф" и прочее подобное можно счесть вышеназванными плодами, техническими ошибками, то фразы, подобные "церемонимейстер.... не допускавший выпрыгивать из него <из камина> обожженные поленья", "лежал на развилке", "опрометчиво-необдуманный поступок", "осознание мысли о

"ЦАРЬ" (отрывок)

Искусство нравиться - это умение обманывать

ВОВЕНАРГ

1. В недавнем прошлом - так говорил мне вкрадчивый голос За секунду до моего незапланированного перехода вороватой Поступью из настоящего в будущее - жил беспечальный царь, Не имевший - за правдивость услышанного не ручаюсь -
2. Ни пользовавшегося всенародной любовью математика, однажды Сумевшего скрупулезно подсчитать точное число сектантов, Разуверившихся в двуликой истине и спрыгнувших с холма В бездну, кишащую ядовитыми пресмыкающимися обоих полов,
3. ни каменного моста, издревле соединяющего рай с геенной огненной, по которому он ходил бы без свиты и вежливо отклонял предложения, исходящие от бюргеров обеих областей, посетить их благоустроенные микрорайоны с ответным визитом,
4. Ни ростовщика, закрывающего двери своего заведения, потому Что у него уже не было денег, а принимать ржавые кострыли Он считал нецелесообразным, ввиду того, что они не представляли Никакой ценности ни на внутреннем, ни на внешнем рынке,
5. Ни палача, издавшего на средства меценатов двухтомник Мемуаров в глянцевого обложке, где говорилось не о повседневных Делах, а о десяти простых способах бесконтактного размножения Полевых мышей в тепличных условиях под наблюдением Ока,
6. Ни проводника, ведущего его сквозь тернии к Большой Медведице, Где установили декорации для генеральной репетиции спектакля Об Абсолюте, - он примерял перед треснувшим громом однотипные Маски трагикомических героев сданной в набор пьесы,
7. Ни каллиграфа, обучавшего его выводить буквы на качественном Пергаменте и исподволь заводившего разговор о своём умении

том, что..."", "отшторив алые гардины" - целиком на совести автора и его школьной учительницы по р.яз. Видеть эти противно-отрезвляющие ошибки жаль, так как они, выскакивая на поверхность, выдергивают читателя из ве-

ликолепного комфорта теймуразяновского абсурда. Возьму на себя нахальство посоветовать автору издать "Царя" снова, но уже без ошибок, а уже вышедшие книжки оставить, как раритеты, потомкам.

Сусанна АРМЕНЯН

- Стоять на одной ноге, находясь по горло в болоте, затянутом Тиной, где на выпь набрасывались агрессивные лягушки,
8. Ни звоняря, отрезавшего язык, чтоб не отвечать на каверзные Вопросы, касающиеся возможного схода лавин с Джомолунгмы И тектонических сдвигов в земной коре, что могло привести К массовому отключению энергии в странах Восточного полушария,
9. Ни врача, считавшего себя выходящем из Мемфиса и всем подряд Рассказывавшего истории о том, как он, будучи в нетрезвом состоянии, Назвал глухонемого сфинкса длинноносым карликом и чуть было Не поплатился за опрометчиво-необдуманный поступок жизнью,
10. Ни молочницы, добавлявшей в молоко воду и - пойманной на факте - Начинаящей оправдываться тем, что цены на сельскохозайственные Продукты растут с угрожающей быстротой, и она не успевает Откладывать деньги на случай своей неожиданной кончины в приюте,
11. Ни трубки с персидским опиумом, раскуривая которую, он видел бы Танцующих у агонизирующего тела гения, в недалёком прошлом Сбрасывавшего с тюремной вышки в берёзовое корыто эрзацы Вдохновенный для эпигонов, выстроившихся в нескончаемую очер
112. Ни геральдиста, нашедшего в прогнившей книге последнее описание Герба архангела Михаила, о котором его сосед по большой койке Писал фундаментальный труд, рассчитанный на широкие массы Любителей эзотерической литературы и пасторальных водевилей,
13. Ни сеятеля, обходившего горничное поле с трещоткой, чтобы разогнать Ворон, непрерывно кружащих над пугалом, подпоясанным тупым мечом, На рукоятке которого, сняв пенсне, можно было прочитать текст, Восхваляющий военные победы Саргона Древнего над аккадцами,

и так далее...

**ДИАЛЕКТИЗМ "у.е.динения" -
книги Сусанны Арменян (Тбилиси, 2010)**

Мысли серьёзные и интересные, забавные, шуточные, пессимистичные, бесполезные; изречения остроумные и не очень, выпуклые, плоские, двусмысленные, натянутые; и слова, много-много слов, и разнообразная игра с ними - логическая и нерациональная, качественная и количественная, звуковая, морфемная, лексическая; а также изобилие всякого рода анафор, метатез, метаграмм, алогизмов, сдвигов, - всё это мир автора, его вольность и право, личный мир находок, потерь, поисков и заимствований.

Мир, одновременно неузнаваемый и узнаваемый, с таким промежуточным явлением в нём - как человек, находящийся между приятием и неприятием его и своей действительности. Мир - не то сказка, не то быль, с какой-то смещённой реальностью того и другого, не имеющей отношения ни к жизни, ни к смерти, ни к правильному, ни к ошибочному, ни к правде, ни к выдумке, ни к силе, ни к слабости, ни к поэзии, ни к прозе. Мир зауми и абстракционизма, атональности, абсурдности, карикатурности и семантического произвола. Взглянуть на него и предлагает автор. Взглянуть глазами недифференцированного человека, как бы теряющего собственное определенное место в действительности вещей и явлений, но все же выделяющегося своим присутствием и некой жизнедеятельностью среди них.

По-настоящему философская, заглавная, начальная, мысль открывает книгу. Она состоит в тяготении человека давать имена вещам вокруг себя. И, подчиняясь необходимости, именуя их, этот, если можно так сказать, номиналист, перестает отличаться от вещей, а они, со своей стороны, становятся похожими на него. Таким образом, человек, искажая реальность одного, искажает реальность другого и самого себя. И его высокое "Я" превращается в низкое "ячество". Это хорошо показано в пьеске "Дворник в поисках веника" через всех действующих лиц, и особенно Извращенца.

Деформированная реальность владения вещами, их связь, вывернутая наизнанку и наделённая человеком своеобразным значением для себя, и взаимовлияние объекта и субъекта, вещественной и разумной сторон жизни, кончающееся их неразличимостью, и делает возможным "тиканье шагов", "отели с видом на морепродукты", "ясные тени", "призраки пива" и многие другие несуразности, - целое "Озеро Случайных Совпадений", - которыми полна книга. Не делает это возможным и достижимым только одно - самоименование. Правда, в дистихе "Кирпич" автор берёт немного другой ракурс, говоря: "Кирпич на облаке летит. //Он видит всё не так, как я". Значит, всё-таки кирпич сохранил своё собственное имя, свою самобытность, хотя и пришлось ему для этого забраться на облако (точнее, его туда пришлось забросить), а сам человек сохранил своё "Я", хотя для этого он опустил до сравнения себя с кирпичом, пусть и заоблачным. Ну, что же, лучше, наверное, так, чем никак вообще.

Итак, именование вещей обусловлено стремлением человека обрести собственное имя и, с другой стороны, - жаждой общения. И хотя он, этот "Человек неразумный, // Выпрямившийся, но ещё не умелый", поневоле овеществляющий себя, ищущий выход, "ищущий пару", продолжает принадлежать себе, он всё же окружён частичностью и бессмысленностью существования. И вся его творческая активность, пытливость, особенность и трудоспособность - не более, чем фантазмагория, "пыльные тома на полке в кабинете... скажем, Феба". Вся умственная деятельность заключена, специфически выражаясь, в сорасчленении слов и смысла, вещей и себя. А всё существование призрачно - во всём и везде - и смехотворно.

В книге есть немало юмора. Но, на мой взгляд, не затрагивающего душу, не искреннего - это, скорее, комизм, трюкачество, с какой-то определённой смысловой подоплёкой и каламбурными фигурами речи. Он несколько статичен, хотя и не полностью искусствен и не лишён здравого задора.

Весьма хороши и заслуживают внимания отстраненные от прочих произведений образцы суггестивной лирики. Таковы - "Отчужденец", "Катушка", "Трагеография" и два-три без названий, из которых особо выделяется "Если его колбасой по башке стукнуть...". Все они экспрессивны, динамичны, но последний еще и психопатичен. В нём прочитывается и проступает человеческое существование, как постоянное нервное напряжение. Весь стих напичкан обиходными мелочами, которые к тому же, из-за отсутствия пунктуации, невзначай смешиваются, переходят друг в друга. Это и вызывает болезненное головокружение, беспредельную нервозность, но не абстрактную, а сугубо личностную. Вещи как бы ударяются, сталкиваются, разбираются, а человек будто не может окончательно освоить их, сделать похожими на себя, и себя - на них. Промежуточная реальность вырисовывается и сказывается здесь чётче всего, поэтому и ощущение нагнетается такое, что "то ли уходишь, то ли возвращаешься". Это превосходный стих, по крайней мере, предпочтительнее остального в книге, в которой есть ещё немало лишнего, "всего такого" - в лучшем случае, экспериментального, но никак не нового.

Венчает книгу примечательная реплика: "Это всё - просто ошибка переписчика", - в целом, подтверждающая её понимание, как сочинения искаженной реальности и условной словесности.

Я думаю, оставить эту промежуточную, неразличимую, призрачную область словотворчества и направить силы в области, более богатые смыслом, явные своей красотой и действительные в своём исконном становлении, не будет ни ущербным для автора, ни снижением его актуальности. Тушью написанному "у.е.динению" не хватает палитры красок, живописности, обыкновенно-чувственного и чувствуемого ощущения, которое так необходимо для создания художественно ценного литературного произведения.

Николай ЛОМИДЗЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Сусанны Армянян

Поиски новых форм выражения, а зачастую - особого ракурса мыслетворчества, сопровождали мировую литературу на всем протяжении ее существования. Но сегодня речь пойдет о литературе замкнутой - ментально и географически - о русской литературе Ближнего Зарубежья. Вышеназванные факторы делают её особенной ещё и потому, что практически исключено какое бы то ни было влияние на неё извне, а тем более взаимопроникновение с подобным ей организмом чуждого "происхождения". Однако именно изолированность этой отдельной во всех смыслах слова литературы обеспечивает её самобытность, и, следовательно, индивидуалистическое сознание автора. В данном случае автор одинок в творческих исканиях, он остаётся собой и в качестве багажа в подавляющем большинстве случаев имеет классический сет из шедевров мировой литературы, напутственно вручённый ему вместе с документом, ведущим во взрослую жизнь. Его лексика чиста от паразитарных наслоений среды, характерных для языкоисследователей, он готов становиться и оставаться собой. Эти тенденции являются составной частью лирики тбилисского поэта Сусанны Армянян:

Написать стихи про голос

Про замеченный автобус

И упущенный из рук

Золотой зрачок дракона

Бисер Джима Моррисона

Вмиг упущенный из рук

Написать стихи про силу

Что земля даёт кизилу

Про упавший на глаза

Ветер крыльев Моррисона

Тонкий след хвоста дракона

Так упавший на глаза

Поэзия Сусанны Армянян - это прежде всего личный апофеоз, очень выверенные и одновременно свободные взмахи пера лингвиста... навеивающие ассоциации со слогом Эжена Йонеску, постмодернистскими виражами предложений и квартирным уютом Сальвадора Дали.

Смотреть всё равно куда - вверх или вниз

Стоит на углу перелётный Улисс

Странник по странному городу с кличкой Тифлис

Планета плана, плантация грёз,

Придумай ответ на послание SOS -

За каждым ответом

С упорством маньяка крадёт вопрос.

Очень чёткое Я - не Эго в понимании психоанализа - а Я как первая буква алфавита в азбуке творца - является базисом этой лирики, зачастую отнюдь не лиричной. Ребусы, игра слов, перехлёсты рифм выдвигают на первый план творческую прихоть автора, из которой и рождается данная словесная эквилибристика, с почти северянскими рефренами.

Не заставляйте меня делать

То, что мне не хочется,

Пустите меня по миру -

Пешком или на лодочке.

Увидеть я хочу

То, что никто не догадается.

Наверное, я вылезу

На самый белый свет...

Те же тенденции мы наблюдаем в сборнике Сусанны "у.е.динение", в котором можно обнаружить различные канвы литературных жанров - басни, сказки, поэмы, рапсодии. Смысловое же наполнение отдаляет читателя от "форматов" и приближает его к фантазийному миру поэта. Безусловно, книга очень современна. Она выросла из тех зачатков хорошей русской классики, прививку которой ещё успело получить поколение современников автора. Но книга ни в коем случае не апеллирует к классической модели искусства, напротив - она ломает её, корезит во имя новых ростков современности, пробивающихся поодаль от громады-предтечи.

Невозможно обойти вниманием вышеназванную лингвистическую канву поэтических текстов Сусанны Армянян. Игра слов, точно так же, как и жонглирование метафорами, позволяют угадать под маской лирического героя филолога-языковеда.

Ветрево, ветрево,

Воедиво, воедиво, воедиво.

Было двое, стал один,

Выспался, умылся.

На руке кольцо, на кольце пыльца.

Стало мне скучно,

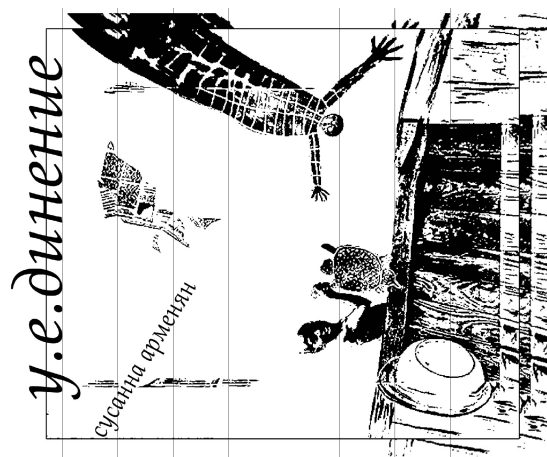
Стала я плакать,

Сбирала ветрево,

Заплетала воедиво, воедиво.

Это - всегда своеобразие стилистических приемов и наслоение на устоявшиеся в поэзии клише собственных приемов и неологизмов. Мы уже наблюдали подобное у Велимира Хлебникова, Ильи Зданевича, у эго- и кубофутуристов. Но творчество Сусанны ещё раз доказывает, что данное течение в литературе ещё не завершено и время от времени находит отражение в произведениях наших современников. Это - ещё одна ипостась Жизни литературы, доказательство её незыблемости, одновременной изменчивости и многомерного постоянства.

Ирена КЕСКЮЛЬ

**Сусанна
АРМЕНЯН**

*В публикацию вошли тексты,
как включенные в
рецензируемую книгу, так и
написанные позже.*

* * *

*На строчку из Леонардо да Винчи
"Огонь истребляет ложь"*

Мысль изреченная, излитая в роман,
В поэму, в сказку, в песню иль картину -
Есть загодя обдуманый обман,
Подводный камень,

нож, летящий в спину.

И этой ложью, сладкой и напрасной,
Мы с юности отравлены опасно.

Поэтому, не ведая сомненья,
Я предаю огню свои творенья.

* * *

*На высказывание Леонардо: "Как
хорошо прожитый день дает
спокойный сон, так с пользой
прожитая жизнь дает спокойную
смерть"*

Жизнь это путь, сказал мудрец,
Нам суждено идти,
Не зная точно, где конец
У этого пути.

И вот, когда он завершен,
Последний сделав шаг,
Мы обретаем вечный сон.
Возможно, это так.

Последний шаг - последний стук -
И крови ток иссяк.
И слезы проливает друг,
И радуется враг.

Ты с пользой жил, ты был не зря?
Ты не попал впросак -
Ты жил, светя, ты жил, горя.
Не в тягость будет мрак.

Заснешь ты сладко, наконец,
Прогоулкой утомлен...
Но только знай - другой мудрец
Сказал, что жизнь есть сон.

* * *

Я изучаю тебя. Ты - каратэ.
Все к тебе сведено.
Из тебя мне - два выхода.
Первый дан. Второй дан.
Третьего не дано.

* * *

На собственный рисунок:

Запрятанные хитро в глубину,
Смеются опрокинутые парки.
Все Д'Артаньяны, Данте и Д'Арки,
Все "Д", которых не упомяну,

Все серебро с пропащей фотоленки,
Все "измы", все догадки, все привычки,
Все взятое в английские кавычки,
Все плоское, что утром стало тонким,

Все окна, переросшие дома,
И ставшие зловещей гранью неба,
Все это просто пыльные тома
На полке в кабинете... скажем, Феба.

И пальмы с неподатливою тенью
Смеются где-то в пятом измеренье.

* * *

Уж сколько раз твердили свету:
Нет, весь я не умру! Карету мне, карету!
Коня! Коня! Полцарства за коня!
Но... вреден север для меня.
Быть иль не быть? Любовь еще,
быть может...
Но не любить оно не может!
Чу!.. Тятя, тятя, наши сети!!!
...Нет повести печальнее на свете.

* * *

У меня отпечатки твоих пальцев
У тебя отголоски моих мыслей
У меня записаны в телефонной книжке
Номера твоих бывших
У тебя мои волосы походка прыщи
У меня твой любимый цвет глаз
У тебя диагноз который
поставили мне врачи
И кто же из нас двоих?
Кто же из нас?

* * *

На фразу из Леонардо: "Раковины, устрицы и другие подобные животные..."

Раковины, устрицы и другие подобные животные,
Похожие на шишки, кактусы и другие подобные растения,
Напоминают женщин, поэтов и других подобных людей,
Которые пишут письма, дневники и другие подобные сочинения.
Однако встречаются среди них совершенно нетипичные,
Сделанные вроде из одного теста,
Но на самом деле - из другого теста,
И их с первого взгляда не распознать,
Что отрицательно действует на облака, кровь и другие жидкости,
Заклученные в бутылки, пробирки и другие емкости.

* * *

Я летела над крышами,
Рассыпая снежинки попкорна,
Изображая менеджера по закупкам
И повторяя в уме
Тринадцать способов вычислить
Воображаемую линию
Соединяющую
Центр твоей ладони
С невидимой буквой
Русского алфавита.

ЛАБИРИНТ

Она ушла, а он пришёл
И породнился с Интернетом,
Без стука, боком, в лифт вошёл
И лёг засаленным валетом.

Ему смущённо снился сон,
И ей на лестницах вздремнулось.
Прошел маляр, сказал "Пардон!" -
Она кивнула и проснулась.

Они входили в лабиринт,
Теряясь в театральной ложе.
Он забредал в случайный лифт
И лез из лягушачьей кожи.

Он выходил и исчезал,
Она летела и смотрела.
И он почти её узнал...
Но лампочка - перегорела.

Они вошли - и разошлись.
И каждый шёл по одиночке.
Он возносился к высшей точке.
Она - пыталась обойтись.

Они спалили лабиринт,
Она беспечно оглянулась.
На полпути ему моргнулось -
И с визгом оборвался лифт.

Наше зарубежье

**Мадлен РОЗЕНБЛЮМ
(США)**

* * *

Р. Ш.

Я тогда жила в Тбилиси,
В доме с видом на закат.
Был мой жизненный уклад
Средоточием коллизий
И запущенных сюжетов -
Ни связать, ни разобрать.
Я кралась - за пядью пядь -
К сути вымыслов и жестов.

Я искала ровно в раже
И на ошупь, и на слух,
Средь разборок и разрух,
И в тревоге, и в кураже.
Где я только не искала! -
Разве только в свитках Мойр.
Свет мой, муж мой! Стонут скалы -
Взорван город над Курой.

ЭМИГРАНТЫ

Машенька, ты здесь жила и пела...

Н. ГУМИЛЕВ

Памяти Ю. Соколовского

Друг мой, и город, и площадь Свободы,
Дом, где по средам бывали журфиксы -
Все уплывает под темные своды
В прочной ладье по спокойному Стиксу.

Я же останусь в земном измеренье -
Лишь материк и язык поменяю,
Быстро освою основы смиренья,
В длинные смены вас вспоминая,

Друг мой, и город, и площадь Свободы,
Дом, где жила я и, помнится, пела.
Мы, эмигранты, - немые уроды -
Плачем и носимся с горстками пепла.

Долгой недели скучны экзерсисы.
Только пустите к стихам в выходные!
Только позвольте приблизиться к Стиксу -
Там у меня родные...

СОНЕТ

Земля была поделена на страны,
А страны делятся на города,
А там река или горы гряды
Их делит на районы да убиты.

Так, логикой деленья театральной
Я овладела, чем весьма горда.
Пишу стихи о разных городах.
Стихи мои суть территориальны.

Иронизируй, ерничай и пьянствуй,
Стелись по почве, словно старый лис.
И сколько хочешь, где ты хочешь
странствуй,

Ты будешь с непонятным постоянством
Оплакивать оставленный Тифлис,
Покуда слезы не перевелись.

**Сергей АЛИХАНОВ
(Россия)**

* * *

Сад ботанический, тбилисский,
Осенний, сумрачный, пустой,
Мои черновики, записки
По-прежнему полны тобой.

Виденьем цветников пустынных,
Алей и мостиков старинных,
водоотводного ручья.
Бегу под шум потоков пенных
И осеняет сонм вселенных
Тебя, любимая моя.

Ты помнишь ли мое стремленье
Парить над осенью вдвоем?
Быть может, тусклый водоем
Теней летящих отражение
Еще таинственно хранит,
Но золотистый лист летит,
И гладь зеркальную рябит...

Диковинные спят растенья,
И терпкий запах запустенья,
И запахи небытия,
И горной речки крик гортанный,
Давно размыла след желанный
Ее тяжелая струя.

* * *

И стала Грузия в судьбе необычайной,
Всегда зависимой, но наконец своей,
Из южной здравницы
вновь северной окраиной,

Куда за все века забрёл один Помпей.
И сохранить себя ей будет
так непросто,

Когда достались ей
крик перелётных птиц,
И доля вечная христианского
форпоста,

И слабый свет икон,
и сквозняки бойниц...

* * *

Эпоха хитрого подтекста
Дала значительный объем,
И фитилек полупротеста
Оправдывал бездарный том.

А ведь изложенная вкратце,
С предельной, грубой простотой, -
Жизнь умещается в абзаце,
Со смертью после запятой.

* * *

В мельканье лиц непостижимом,
Сойдя с дорог, ведущих в Рим,
Борцы бесстрашные с режимом
Исчезли сразу вслед за ним.

Так правой они светились,
Что гусениц взнесенный вал,
Когда они под танк ложились,
Над их телами застывал.

А шлемофон гудел не слабо,
Чтобы давить не тормозя.
Интеллигенция, как баба,
Себе купила порося.

Попятилась, прошла эпоха
И лагерей, и трудовой.
А тут и с сердцем стало плохо,
И поспешили вслед за ней...

АРКА

Угрюма каменная пойма,
Но весел дикий смех ручья.
Он скалами едва не пойман,
Но, извиваясь, как змея,
Юля и прыгая меж скал,
Ручей лазейку отыскал.

Моста изогнутая арка
Из темных, плоских кирпичей.
Когда здесь в полдень очень жарко,
Люблю я посидеть под ней.

Здесь никогда не прозвучит
Ни скрип колес, ни стук копыт.

Сперва крута, потом полога,
Из города сюда идет,
Но здесь кончается дорога,
И бесполезен древний свод.
Есть лишь один из берегов -
Другой ушел на сто шагов.

Что это? - след каменоломни,
Иль берег паводки свели,
Иль Божий знак: живи и помни
И шум воды, и зной земли.

В рубрике - плоды (отборные) многочисленных практикумов лито "МолотО.К.", заключающиеся, помимо прочего, в написании экспромтов на заданную тему, на определенный поэтический жанр, на стихотворную строку или строфу в качестве эпиграфа и т.д.

*

Практикум на тему "Пламя", после прочтения цикла "Пиромания" Андрея Сенькова.
"ПЛАМЯ"

Ада ДЖИЛАВДАРОВА:

Пламя -
это творческая биография материи.
Пламя -
это пожиратель света.
Пламя -
ярило-моторчик, приводящий
в движение барабан
стиральной машины.
Пламя -
приводящий в сознание
поток сознания.
Пламя -
художник, побывавший
на празднике Масленицы.
Пламя -
это черные значки
на последней странице книги.

Ирина ДАНЕЛИЯ:

ПЛАМЯ
Мечь спички полену -
за свою несоразмерность.

Дмитрий СПОРЫШЕВ:

Интересно, успею ли я,
поджигая спиртовую таблетку,
вскипятить в джезве кофе
или снова на кофе бежать к соседке?

Сусанна АРМЕНЯН:

На кухне распустились
две голубые хризантемы.
Красиво.
Хотя они ни фи́га не греют.
А у тебя - "Карма",
и ты ходишь в шортах
и жалуешься
на спертый воздух.
Но это - твоя карма.
А это - мои хризантемы.

*

Практикум на тему "НАРКОМАНИЯ" - вызванную к жизни в процессе дискуссии, возникшей после прослушивания соответствующего рэп-стихотворения
Ники СИМОНИШВИЛИ.

Дмитрий ЛОСКУТОВ:

Заверните в тугую а4
Сельдь заморскую с мелкой икрой.
Тяжело ребельонам Каира
Мандельштамовской зимней порой.

Я к соседу по лестничной клетке
Приглашен на графин стволовых.
Обгоревший в боях в Шарм-эль-Шейхе
С загоревшим опять же на Вы.

Мой сосед кипятит в ржавой таре
Полкило... что ж, настал черный день.
Нас заждались мундиры в Катаре,
Санитары, главврач, бюллетень.

Нам в палате теперь не до жиру.
Шлю по мэйлу поддержку Алжиру.

Ирина ДАНЕЛИЯ:

Может быть, отвлекала эротика,
Только жизнь прожила без наркотика,
а сегодня, пусть поздно, не рано,
захотелось мне стать наркоманом.

Говорили, что марихуана
моментально излечит все раны,
так зачем же мне, братцы, страдать?
Собираюсь я, братцы, начать.

По муравушке буду ходить,
пестрых бабочек в сетку ловить,
ароматом земли наслаждаться,
возле озера в море плескаться.

Только вот, для чего мне наркотик?
Просто сесть на маршрутку - и в Потти!

Сусанна АРМЕНЯН:

Наркомания - это зло...
Наркомания - это зло...
Все орут, будто мне назло -
"Наркомания - это зло!"
"Наркомания - это зло!"
Неужели все это так?
Раньше злом был один табак,
Все боялись, что спид и рак,
Всех пугало, что вдруг Ирак...
Или вдруг Эйфьятлаёккуль...

Или евро заменит рубль...
А теперь, будто мне назло -
"Наркомания это зло!"
Если это действительно так,
Если это действительно так,
Если это действительно так, -
То мне крупно не повезло.

*

Тема "Гамлет", а также строчка из песни Бориса Гребенщикова - "Как странно то, что затеваю я..."
Были зачитаны: "Гамлет" Пастернака, "Я - Гамлет. Холодеет кровь..." Блока и "Диалог Гамлета с совестью" Цветаевой.
(Некоторые молотки сдали результаты своих почти получасовых усилий без подписи).

Дмитрий ЛОСКУТОВ:

Как странно то, что затеваю я,
За поголом - покатая луна
С кровавыми шербинками Стюарта.
Остановись, течение Гибралтар,
Я Эльсиноры вдоволь замарал
Осколками скабрезного Монмартра.
Еще не пала Фортинбраса рать,
О, как мне время в замке задержать,
Безумие наследное утратив.
Скатилась полнолуная луна
В рябую гладь озерного стекла,
И сорок тысяч братьев...

Без Подписи:

Как странно то, что затеваю я,
Но что конкретно, сам еще не знаю.
Могу забыть, что мучит ложь меня,
Забыть о том, что разум умирает.
О нет, Офелия, ты сможешь все
простить,
Когда-нибудь. Не здесь - в раю,
в аду ли...
Зачем же не прервал я мести нить?
Но ветры вновь загробные задули.
И я иду туда, где мать моя,
Предав отца, забылась с гнусным
гадом.

Как странно то, что затеваю,
Но что конкретно, сам еще не знаю.

Марина ЛАМАР:

Как странно то, что затеваю я,
Привычно время, будни января.

Сусанна АРМЕНИЯН:

...и вот внезапно нахлынувшее
то самое, как бывало
в детстве, когда глаза закроешь
и нет тебя. Но внутрь
затягивает бесконечная
тьма. Ведь она и есть
ты, настоящая. Чувствуешь ли
ты уже - или только
понимаешь?
Да. Понимаешь.
Страшно?
Открой скорее
глаза.

*

Предложено употребить слова:
*осень, мгновенье, вдохновение,
башмак, луч, лестница, игла,
ступень, молчание...*

Игорь ЭИБОВ:

Свободы редкое мгновенье,
Вдали теряется река.
Дни жизни - как печали звеня,
Сны, голоса издалека.

Остановить чужие мысли,
На мир из детства заглянуть,
Свет радостей простых и истин
Из Зазеркалия вернуть!

Ирина ДАНЕЛИЯ:

Ступени вдохновенья... Как иглой,
Молчание насквозь пронзило
Осень...
Башмак чернел на лестнице чужой.
Лучом надежды озаряла просинь...

*

ХОККУ

Юлия КЛЮЧНИКОВА:

Дерево мокнет
Под холодом времени.
Солнце в тумане.

Игорь ЭИБОВ:

Проходим вдоль моря.
Яблоневое дерево на кладбище.
Никто не срывает плоды.

Сусанна АРМЕНИЯН:

Проехала машина
С орущей музыкой.
Пес поднял ухо.

Ирина ДАНЕЛИЯ:

Рама Фландрии,
А шторы - Вермеера.
За ними - Тифлис.

Инга ЧХЕИДЗЕ:

Царапина на полу.
Стул? Каблук?
Прошлое оставило след.

*

**Начать со строчек,
предложенных**

Д.ЛОСКУТОВЫМ:

**"Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?"**

Марина ЛАМАР:

Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?
Чтоб не кануло в забвенье
И оставило свой след,
Я могу набрать три точки
Не назвав назвать его никак,
Только как без первой строчки?
В ней исток. Она - маяк.

Без Подписи:

Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?
На вопрос сей, к сожаленью,
Не могу найти ответ.
Как на грех, пропала муза,
Стих не клеится никак.
Лучше скину тяжесть груза
Я, назвав его "пустяк".

Сусанна АРМЕНИЯН:

Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?
Не приходит вдохновенье?

Мастер ОК

Обойдешься. Ты - поэт.
В первой строчке смысла нет.
Надо проще, без мучений.
Назови его - сонет.
Не оконченный, по лени.

Без Подписи:

Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?
Без причины словопренье,
Пубертатный шизо-бред.
Рифма есть, а смысла нету,
Вот на ваш вопрос - ответ.

Дмитрий ЛОСКУТОВ:

Как назвать стихотворенье,
Если первой строчки нет?
Юг определить по тени,
Если выключили свет?

Как отмерить, где отрезать,
Если все линейки врут?
Верно, что поэту пресса -
Кассий и Марк Юний Брут?

Задаёт вопросы Сфинксу
Любознательный чудак...
Кампила, та, что в Пизе,
Так задумывалась? Как

Квадратуру круга вычесть
Из риторики навек?
Недопонятая личность -
Неразумный человек.

Как назвать стихотворенье,
Если нет последних строк?
Где твое воображение?
Бедность языка - порок.

**Редколлегия благодарит Ирину
Дзуцову, Алину Талыбову, Анаит
Татевосян, Анну Полетаеву,
Елену Шуваеву-Петросян,
Каринэ Халатову за
предоставленные для этого
выпуска материалы.**

© Периодическое издание "Ассоциации
литераторов - АБГ" и лито "МОЛОТ О.К."
(Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

Редакционная коллегия:

Сусанна Армениян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Николай Ломидзе,
Михаил Ляшенко.

**При перепечатке
материала ссылка
на данное издание
обязательна.**

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке МКПС "Русский клуб".